DOI: 10.31860/978-5-918680-445-17-70

И. М. Могилевич, Е. В. Юдина

МАТЕРИАЛЫ О ГИБЕЛИ ПОСОЛЬСТВА А. С. ГРИБОЕДОВА В ЛИЧНОМ ФОНДЕ АДЕЛУНГОВ РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА ПУШКИНСКОГО ДОМА

Аннотация: Выявлен неизвестный немецкоязычный вариант свидетельства о гибели посольства Грибоедова в Тегеране. Прокомментирован его перевод на русский и проведено сопоставление обнаруженного варианта с известными (английским и французским), что позволило уточнить понимание повествования, имена действующих лиц, число жертв нападения, обстоятельства последних минут жизни посла и описание его убийцы. Высказано предположение о публикаторе выявленного варианта. Два других немецкоязычных документа архива Аделунгов на русском также не были опубликованы. Они дают новую информацию о помощи британских дипломатов в формировании благожелательного для персидских властей общественного мнения и попытке противодействия этому со стороны анонимного русского автора.

Ключевые слова: уничтожение посольства А. С. Грибоедова, мировая пресса об этом, документальные свидетельства, материалы фонда Аделунгов.

Abstract: A hitherto unknown German version of the witness of the destruction of Griboedov's mission in 1829 in Tehran was revealed. The German version was translated into Russian and compared with the known English and French versions. This made it possible to clarify the understanding of the narrative, the names of the participants, the number of victims of the attack, the circumstances of the last minutes of the ambassador's life and the description of his killer. We submitted the assumption about the publisher of the German version. Two other German-language documents from the Adelungs fund were also not published in Russian. They provide new information about the assistance of British diplomats in the formation of public opinion favorable to the Persian authorities and the attempt to counteract this by an anonymous Russian author.

Keywords: the destruction of A. S. Griboyedov's mission, the world press about it, documentary evidence, data from the Adelung Fund.

Личный фонд Федора Павловича и Николая Федоровича Аделунгов Рукописного отдела Пушкинского Дома[1] содержит материалы о последних шести месяцах деятельности персидского посольства Грибоедова и его гибели в Тегеране 30 янв. 1829 г.[2] Комментированный перевод

[1] РО ИРЛИ, ф. 457, ед. хр. 18, 29.

[2] Без специальных оговорок даты приведены по юлианскому календарю.

© Могилевич И. М., Юдина Е. В., 2024

части материалов этого фонда (письма К. Ф. Аделунга июня — декабря 1828 г.[3]) уже был опубликован в 2020 г.[4] Не меньшую ценность имеют сосредоточенные в указанном фонде немецкоязычные газеты с публикациями, посвященными гибели посольства. Значимость газетной подборки объясняется не только родственной заинтересованностью в разъяснении произошедшего (Карл Аделунг (1803—1829) был вторым секретарем посольства и встретил смерть рядом с Грибоедовым), но и высоким аналитическим профессионализмом создателей собрания. Ф. П. Аделунг (1768—1843) был экспедитором немецкого языка в МИД и заведующим Учебным отделением восточных языков Коллегии иностранных дел, его сыновья Александр (1805—1868) и Николай (1809—1879) Федоровичи Аделунги служили в МИД[5], а его зять П. И. Кеппен (1793—1864), в будущем академик и сооснователь Русского географического общества, выполнял статистические работы для Министерства просвещения и Министерства внутренних дел[6]. Все они имели доступ к закрытой для широкой публики иностранной периодике, сосредоточенной в ведомственных библиотеках.

Самой объемной частью газетного собрания фонда Аделунгов является неизвестный немецкоязычный вариант записи рассказа секретаря чиновника протокольной персидской службы (далее СЕКРЕТАРЬ), бывшего очевидцем трагических событий. Комментированный перевод немецкого текста рассказа СЕКРЕТАРЯ[7] и его сопоставление с известными английским[8] и французским[9] вариантами помещен в *Приложении 1*. Поскольку авторитетные отечественные авторы считают этот рассказ продуктом британской пропаганды[10], а современный

---

[3] РО ИРЛИ, ф. 457, ед. хр. 18.

[4] *Юдина Е. В., Могилевич И. М.* Письма из Персии 1828 года секретаря русского посольства Карла Аделунга в полном переводе // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2020 год. СПб.: Родник, 2020. С. 99—221. Далее — *Письма из Персии*.

[5] Там же. С. 108—118.

[6] *Кеппен Ф. П.* Биография П. И. Кеппена // Сб. Отделения русского языка и словесности ИАН. 1911. Т. 89. № 5. 152 с.

[7] Geschichte der letzten russischen Gesandtschaft in Persien und ihrer Ermordung // Das Ausland. 1830. Okt. 14—25. №№ 287—298 (РО ИРЛИ, ф. 457, ед. хр. 29, л. 13—38 об.). Далее — *История*.

[8] Narrative of the Proceedings of the Russian Mission from its Departure from Tabreez on 14-th Jummade (Dec. 20, 1828) until its Destruction on Wednesday the 6-th of Shabban (Feb. 11, 1829) // Blackwood's Edinburgh Magazine. 1830. Vol. 28. Sept. P. 496—512. Далее — *Нарратив.*

[9] Relation des événements, qui ont précédé et accompagner le massacre de la dernière ambassade russe en Perse // Nouvelles annales des voyages et des sciences géographiques. 1830. T. 48. P. 337—367. Далее — *Реляция.*

[10] *Шостакович С. В.* Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова. М.: Соцэкгиз, 1960. С. 212; *Аринштейн Л. М.* Новые данные об обстоятельствах гибели Грибоедова (по английским источникам) // Русская литература. 1981. № 2. С. 225—233. (Далее — *Аринштейн 1981*); *Аринштейн Л. М.* Персидские письма по поводу

британский исследователь с иранскими корнями — подделкой российского МИД[11], мы не ограничились переводом и комментированием этого текста, а исследовали и опубликовали доводы о его аутентичности, для чего были использованы современные событию сообщения печати, официальные заявления, частная переписка, биографические сведения о публикаторах и переводчиках, а также информация о повседневных практиках персиян[12].

В фонде Аделунгов находятся еще две важные немецкоязычные публикации о гибели посольства, до сих пор не использованные исследователями. Первая является переводом известий о гибели посольства, посланных в Тавриз наследному принцу ʻАббас-мирзе[13] его братом[14] и отцом на следующий день после трагедии[15]. Переводы этих писем, представленных европейскому читателю в ноябре 1829 г. (*Приложение 2*), сопоставлены с официальным персидским извещением, отправленным генералу И. Ф. Паскевичу (1782—1856) и впервые опубликованным в России в 1891 г.[16] Сравнение этих вариантов извещений персидских официальных лиц позволяет выявить направление, в котором шло искажение информации об уничтожении посольства, а именно — в обвинении самих русских дипломатов.

Приложение 3 содержит перевод анонимной немецкоязычной статьи, появившейся как отклик на предыдущую публикацию[17]. Автор статьи решительно протестует против намеков на виновность русских до завершения расследования. Установлен (по совпадениям с дневниковыми записями июля 1829 г.[18]) автор этой публикации — русский ученый П. И. Кеппен, вскоре породнившийся с семьей Аделунгов.

гибели Грибоедова // А. С. Грибоедов: материалы к биографии. Л.: Наука, 1989. С. 108—133. (Далее — *Ариштейн 1989*); *Фомичев С. А.* Александр Грибоедов: биография. СПб.: Вита Нова, 2012. С. 369, 437, 448; *Голлер Б. А.* «Горе от ума» в современном мире // Вопросы литературы. 2009. № 4. С. 220—290.

[11] *Melville F.* Alexander Sergeevich Griboedov: Russian Imperial James Bond Malgré Lui: In Memory of the 225th Anniversary of his Birth // Russians in Iran: Diplomacy and Power in the Qajar Era and Beyond / ed. by R. Matthee, E. Andreeva. London; N. Y.: I. B. Tauris, 2018. P. 58—84.

[12] *Могилевич И. М.* Первые публикации о гибели посольства А. С. Грибоедова и их достоверность // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. № 4. С. 11—29. Далее — *Могилевич.*

[13] См. прим. 2 к *Приложению 1.*

[14] См. прим. 63 к *Приложению 1.*

[15] Persien // Allgemeine Zeitung 1829. Nov. 21. № 325. S. 1299—1300. (РО ИРЛИ, ф. 457, ед. хр. 29, л. 1—2 об.).

[16] Перевод копии с письма Шах-зиды Зилу султана к Его Высочеству Аббас Мирзе // *Щербатов А. П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич: его жизнь и деятельность. СПб.: типолит. Р. Голике, 1891. Т. 3 (октябрь 1827 — май 1831). Приложения. С. 67—69. Согласно публикатору, это документ № 551 (1829) архива МИД. Далее — *Щербатов, Приложения.*

[17] Russland // Beilage zur Allgemeinen Zeitung. 1830. Januar 29. № 29. S. 115 (РО ИРЛИ, ф. 457, ед. хр. 29, л. 4).

[18] ПФ АРАН, ф. 30, оп. 1, д. 145, л. 54.

Ценность двух последних документов состоит в том, что они показывают отстранение официальных лиц России от разбирательства в произошедшем и последовавшее формирование истории о случившемся пером европейской прессы по информации британских дипломатов. Поразительно, что для трех сторон (персидской, русской и британской) векторы искажения событий привели к общей картине: обвинению в случившемся самих жертв нападения.

Хронологически представляемые нами три документа располагаются в таком порядке: ноябрь 1829 г. — письма шаха и наместника Тегерана (*Приложение 2*); январь 1830 г. — возражения на публикацию вышеупомянутых писем русского анонима (*Приложение 3*); октябрь 1830 г. — рассказ о последних пятидесяти днях существования русского посольства, сделанный персидским чиновником (*Приложение 1*). Безусловно, ключевым текстом является последний. Он не только наиболее обстоятельный (два хронологически первых текста в фокусе держат именно гибель миссии). Рассказ персидского СЕКРЕТАРЯ отличается от текстов официальных лиц Персии тем, что он является рассказом очевидца события. Письма шаха и наместника возникли на основе услышанного от очевидцев, докладов должностных лиц и должны были служить основой планов по выходу из кризисной ситуации.

На фоне Русско-турецкой войны 1828—1829 гг. и стараний избежать нового конфликта с Персией полноценное расследование русская сторона не проводила, а русская пресса стала обсуждать событие только после смерти Николая I. Из этих запоздавших публикаций важнейшей является сделанный в 1858 г. Е. Н. Серчевским (1814—1880) по указанию А. А. Жандра (1789—1873) перевод[19] франкоязычного варианта[20] рассказа СЕКРЕТАРЯ. В 1872 г. в «Русском архиве» был опубликован пересказ этой французской публикации 1830 г.[21] Так называемый «полный» перевод французского текста на русский появился в 1929 г.[22] Этот перевод является повторением перевода 1858 г. с включением нескольких пропусков Серчевского, но с сознательным повторением «явно неправильной транскрипции персидских собственных имен и терминов»[23]. Русскоязычные документы, касающиеся ги-

[19] Реляция происшествий, предварявших и сопровождавших убиение членов последнего российского посольства в Персии: рассказ персиянина // А. С. Грибоедов и его сочинения / изд. Евграфа Серчевского. СПб.: тип. Глав. штаба его имп. вел. по воен.-учеб. заведениям, 1858. С. XLV—XXXVII.

[20] *Реляция.*

[21] *Ефремов П.* О смерти А. С. Грибоедова в Тегеране // Русский архив. 1872. № 7—8. Стб. 1492—1538. (Далее — *Ефремов*).

[22] Реляция происшествий, предварявших и сопровождавших убиение членов последнего российского посольства в Персии // А. С. Грибоедов: его жизнь и гибель в мемуарах современников / вступ. ст., комм., ред. Зин. Давыдова. Л.: Красная газета, 1929. С. 151—184.

[23] Прим. 124 редактора и комментатора З. С. Давыдова. Там же. С. 327.

бели Грибоедова (включая и рассказ СЕКРЕТАРЯ), были представлены в сборнике 1980 г.[24]; в нем текст СЕКРЕТАРЯ является воспроизведением публикации 1929 г., то есть основан на переводе Серчевского, выполненного с искажением дат и без соблюдения норм транслитерации персидских собственных и нарицательных имен, что затрудняет идентификацию персидских действующих лиц. Несколько англоязычных документальных источников, касающихся гибели посольства, были выявлены в коллекции Н. К. Пиксанова и опубликованы в 1980-е гг.[25], но публикацию не сопровождал ни объективный комментарий, ни полный перевод англоязычного варианта[26] рассказа СЕКРЕТАРЯ.

Для подкрепления трактовок публикуемых документов необходимо напомнить некоторые даты и сопредельные события.

Нападение на русское посольство, возглавляемое А. С. Грибоедовым, произошло в Тегеране 30 янв. 1829 г. В живых остались только четверо его сотрудников: трое курьеров и первый секретарь посольства Иван Сергеевич Мальцов[27]. Местом пребывания дипломатов в Персии того времени был Тавриз, главный город одной из провинций, расположенный на полпути от Тифлиса (650 км) до Тегерана (620 км), управляемый наследным принцем ʻАббас-мирзой[28]. Известие достигло Тавриза вечером 6 февр. 1829 г.[29], и принц немедленно лично оповестил русского генерального консула Андрея Карловича Амбургера (1794—1830), британского посланника Джона Макдональда (1782—1830) и вручил им послания для дальнейшей передачи их правительствам. (Дипломатический корпус в Персии того времени был представлен только Россией и Великобританией; в мирных переговорах окончившейся в 1827 г. Русско-персидской войны активно участвовали британские дипломаты; они были гарантами части контрибуционных выплат, происходивших до подписания мирного договора, что сильно тогда сблизило Персию и Британию.) Консул и посланник отправили полученные персидские извещения по своей подчиненности и подготовили ноты протеста[30].

---

[24] А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников / сост., вступ. ст., комм. С. А. Фомичева. М.: Худож. лит., 1980. С. 292—302, 303—329.

[25] *Аринштейн 1981*; *Аринштейн 1989*.

[26] *Нарратив*. Л. М. Аринштейн перевел несколько отрывков, касающихся любезного приема русского посольства; он также высказал мнение, что франкоязычный вариант рассказа «сильно искажен». См.: *Аринштейн 1989*. С. 108, 109.

[27] См. прим. 14 к *Приложению 1*.

[28] См. прим. 2 к *Приложению 1*.

[29] *Аринштейн 1989*.

[30] Британская нота была опубликована в мае 1829 г. (см.: The Affray at Teheran... // The Standard (GB). 1829. May 15. P. 2). Перевод британской ноты протеста опубликован в изд.: *Попова О. И.* Грибоедов-дипломат. М.: Междунар. отношения, 1964. (Далее — *Попова*.) С. 196—198. Публикация русской ноты нам не известна.

В своей ноте Амбургер настаивал, «...чтобы тела министра[31] и чиновников, павших жертвою кровопийц, были высланы в Тифлис»[32]. Русский консул не сомневался, что возобновятся русско-персидские военные действия, прекращенные год назад, и, в знак дипломатического протеста, перебрался в Нахичевань (ближайший к Тавризу русский пограничный город). За это самоуправство он получил выговор от командующего отдельным Кавказским корпусом генерала И. Ф. Паскевича, который пенял ему за отъезд (был потерян канал связи и влияния на персиян) и даже за ноту протеста: «Мы находимся теперь не в том положении, чтобы страхом оружия заставить Персию делать то, что нам желательно»[33]. (Генерал намекал на то, что военные силы России были связаны во второй кампании начатой в апреле 1828 г. войны с Турцией на Балканском и Кавказском фронтах.)

Из русских высших администраторов Паскевич ближе всех находился к Персии (в Тифлисе). По итогам Персидской войны 1826—1827 гг. он стал графом Паскевичем-Эриванским. Еще до получения высочайшего отклика на известие о трагедии[34] он решился на свой собственный дипломатический ход. В начале апреля 1829 г. к ʻАббас-мирзе он послал своего адъютанта штабс-капитана М. Ф. Кудашева (1805—1847) с гласным заданием собрать информацию о гибели посольства (генерал в наброске своей инструкции обозначил это «о смерти Грибоедова <...> хотя догадкою»[35]) и указанием дать понять персиянам, что эти убийства были совершены для понуждения России открыть против них военные действия и тем ослабить силы на турецком направлении[36]. Адъютант имел и секретное поручение: предложить персиянам вступить в войну с Турцией на стороне России: «...коль скоро он[37] сие учинит, то я вышлю ему на помощь войска, снабжу его пушками и ружьями и даже беру на себя помочь ему к завоеванию Вана»[38]. Это секретное предложение было вручено принцу на секретной аудиенции 23 апр. 1829 г.[39] В ответ на рапорт об этом са-

---

[31] Официальное именование должности Грибоедова — «полномочный министр».

[32] Рапорт н. с. Амбургера ген. Паскевичу от 8 февр. 1829 г. // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / ред. Ад. Берже. (Далее — *Акты.*) Т. 7. Тифлис: тип. Глав. управления Наместника Кавказа, 1878. С. 671.

[33] Предписание гр. Паскевича надв. сов. Амбургеру от 6 марта 1829 г. // *Акты.* Т. 7. С. 676.

[34] В Петербурге известия из Тегерана, сопровождаемые письмами Амбургера и Паскевича, были получены 14 марта 1829 г.

[35] РГИА, ф. 1018, оп. 2, д. 403, л. 1. Известно о некотором косноязычии Паскевича. Наверное, под «догадками» он разумел версии произошедшего, о которых еще продолжались толки.

[36] Там же. Л. 2.

[37] ʻАббас-мирза.

[38] РГИА, ф. 1018, оп. 2, д. 402, л. 1.

[39] Там же, д. 418, л. 2, 2 об., 5.

мостоятельном дипломатическом шаге Паскевич получил выражение высочайшего неудовольствия в письме министра К. В. Нессельроде (1780—1862): «...мистер Макдональд увидит инсинуации против политики Англии, и это в то время, как этот министр[40] старался совсем еще недавно показать самое благородное и лояльное расположение к нам. Я уверен, что после инсинуаций, подобных тем, которые содержались в двух секретных письмах, адресованных Аббас-Мирзе, если мистер Макдональд узнает о них, его планы явно повернутся против нас. <...> Его Величество также не сомневается, что Вы оцените большое значение тех замечаний, которые я имею честь Вам сообщить, о тех печальных последствиях, к которым мог бы привести этот шаг»[41]. Генерал Паскевич не зря был любимейшим сотрудником императора. Сбор всяких «догадок» о гибели посольства был прекращен. Министр иностранных дел России сформулировал официальную точку зрения, выраженную императором: «При сем горестном событии его величеству отрадна была уверенность, что шах персидский и наследник престола чужды гнусному и бесчеловечному умыслу, и что сие происшествие должно приписать опрометчивым порывам усердия покойного Грибоедова, не соображавшего поведение свое с грубыми обычаями и понятиями черни тегеранской, а, с другой стороны, известному фанатизму и необузданности сей самой черни, которая вынудила шаха и в 1826 г. начать с нами войну»[42]. В русской столице причины трагедии не только не выясняли, но их даже не обсуждали, так как было принято следующее авторитетное мнение: «Император изучил сам донесения и полагает, что единственная возможность удержать персиян от войны — наша твердая уверенность в невиновности персидского правительства и убеждение их, что мы отказываемся от мести и готовы принять его оправдания»[43].

В Петербурге в газете МИД «Journal de St.-Pétersbourg» 16 марта 1829 г. (почти на месяц раньше публикаций в Лондоне) на французском языке появилось официальное сообщение о трагедии в Тегеране. Через день, 18 марта, русский перевод этого сообщения был опубликован в газете «С.-Петербургские ведомости»[44], а 19 марта Ф. В. Булгарин (1789—1859) опубликовал свой перевод мидовского извещения[45]. Официальное русское сообщение умалчивало не только о причинах,

---

[40] Имеется в виду британский посланник.

[41] Перевод фр. текста: РГИА, ф. 1018, оп. 2, д. 208, л. 3 об. — 4.

[42] Нессельроде — Паскевичу. Письмо от 16 марта 1829 г. Цитировано по первой публикации: *Берже Ад. П.* Смерть А. С. Грибоедова // Русская старина. 1872. Т. 6. № 7. С. 193.

[43] Письмо гр. Нессельроде к гр. Паскевичу от 26 марта 1829 г. // *Акты.* Т. 7. С. 686—687.

[44] Официальные известия // С.-Петербургские ведомости. 1829. 18 марта. № 33. С. 171.

[45] Внутренние известия // Северная пчела. 1829. 19 марта. № 143. С. 2.

но и об основном поводе к погрому: желании толпы, воодушевленной муллами, завладеть лицами, получившими в посольстве законное убежище, то есть о выполнении посольскими своего долга. Некоторые опытные дипломаты-восточники (например, И. Ф. Паскевич, А. К. Амбургер) могли видеть несовпадение русской официальной формулировки, основанной на пока еще не опубликованной официальной персидской версии, с теми домыслами и слухами, которые гуляли на Востоке. Но вести расследование и публично анализировать факты не мог никто, так как существовало еще прошлого царствования высочайшее требование: «Единожды и навсегда принять за правило, чтобы российские чиновники, находящиеся на службе, нигде ни на каком языке не издавали в свет никаких сочинений, заключающих что-либо, касающихся до внешних и внутренних отношений Российского государства, сверх обыкновенной Цензуры, без дозволения своего начальства»[46].

В годовщину трагедии в январе 1830 г. Булгарин опубликовал обширные воспоминания о Грибоедове[47], которые включали его биографию, краткий перечень его произведений и обильное цитирование писем Грибоедова к автору воспоминаний. Гибели посольства Булгарин коснулся обиняком, поместив анонимную корреспонденцию В. Н. Григорьева (1803—1876), мелкого поэта и чиновника МВД. Григорьев летом 1829 г. в силу служебных обязанностей находился в Нахичевани во время прибытия туда из Тегерана гроба с телом Грибоедова[48]. Пережитое потрясение от увиденного вылилось в корреспонденцию[49] о церемонии встречи на границе гроба, движении его через чумные карантины Еревана и Тифлиса, отпевании и погребении 18 июля 1829 г. Не только о причинах нападения на посольство, но даже об обстоятельствах этого нападения в его корреспонденции не упоминалось. Впрочем, в статьях Григорьева—Булгарина в подстрочном примечании было указано на встречу А. С. Пушкина с гробом Грибоедова у Гергер[50]. Стоит напомнить, что Пушкин вернулся в Петербург из поездки на Кавказ в ноябре 1829 г., а опубликовал «Путешествие в Арзрум...» в начале 1836 г. Мы полагаем важным указать на эти устные упоминания Пушкина о гибели Грибоедова осенью 1829 г. — в то время, когда вокруг этой темы в России царило молчание.

Британский посланник Джон Макдональд, который находился в двойном подчинении и у Лондона, и у Ост-Индской компании,

---

[46] Высочайшее повеление 27 февр. 1824 г. // Записки, издаваемые от Департамента народного просвещения. 1825. Кн. 1. С. 10—11.

[47] *Ф. Б. <Булгарин Ф. В.>* Воспоминания о незабвенном Александре Сергеевиче Грибоедове // Сын Отечества. 1830. Т. 9. № 1. С. 3—42.

[48] ОР РНБ, ф. 225 (В. Н. Григорьев), ед. хр. 5, л. 37 об. — 38, 50.

[49] Дополнение к статье: Воспоминания о А. С. Грибоедове: Описание последнего долга, отданного ему в Тифлисе // Сын Отечества. 1830. Т. 9. № 2. С. 87—94.

[50] Там же. С. 88—89.

продублировал свой рапорт и полученные от персиян официальные уведомления в Лондон и Бомбей. Он также озаботился сбором дополнительной информации, для чего отправил в Тегеран своего племянника, лейтенанта охранявшего дипломатов отряда, Рональда Макдональда (1800—1848). Лейтенант 8 февр. 1829 г. пустился в путь из Тавриза и прибыл в Тегеран 20 февраля[51]. Он пробыл там два дня, беседовал с тремя важнейшими персидскими чиновниками на уровне министров, двумя чиновниками, курировавшими пребывание русской миссии в Персии (в том числе с Назар-'Али-ханом[52]), дворецким английской резиденции (соседствовавшей с русской) и уцелевшим Мальцовым. Британский лейтенант был удостоен приема у шаха, который сам рассказал о произошедшем и просил организовать содействие в улаживании отношений с русскими и оправдании персиян[53]. Лейтенант 7 марта 1829 г. вернулся в Тавриз и неделю составлял отчет, опубликованный в 1979 г.[54]

Первым персидским неофициальным рассказом о тегеранской трагедии (точнее, как нами доказано[55], английским рассказом от лица персиянина) было опубликованное в Великобритании уже 10 (22) мая 1829 г.[56] письмо некоего «просвещенного и знатного жителя Тавриза» своему знакомому, «знатному джентльмену» из Херефорда (Hereford, GB). Это произошло месяц спустя после публикации в Британии первых официальных известий, почерпнутых из немецкой прессы[57]. Учитывая, что весной минимальная продолжительность доставки письма из Тавриза в Великобританию составляла не менее восьми недель, дата отправления неофициального персидского рассказа совпадает с окончанием работы Р. Макдональда над своим отчетом, завершенным просьбой шаха помочь в улаживании конфликта. Правда, в самом письме в Херефорд указана почти невероятная (по скорости не только почтового, но и курьерского сообщения) дата его написания: «примерно» 20 апр. 1828 г. н. с.[58]

Немного позднее сфальсифицированного частного письма в Херефорд, в начале июня 1829 г., в английских газетах появились сообщения поверенного при дворе шаха полковника Дж. Макдональда,

---

[51] *Harden E. J.* The murder of Griboedov. New materials // Birmingham Slavonic Monographs. 1979. № 6. (Далее —*Harden 1979.*) P. 16.

[52] См. прим. 4 к *Приложению 1*.

[53] *Harden 1979.* P. 18—19.

[54] Ibid. P. 18—26.

[55] *Могилевич.* С. 19—23.

[56] Указания на эту публикацию исходят из доступных нам ее перепечаток в газете американского штата Вермонт (Brattleboro' Messenger (US). 1829. July 24. P. 2) и в печатавшемся в Великобритании журнале (The Asiatic Journal and Monthly Miscellany. 1829. Vol. 27. № 6. P. 783—784).

[57] The Standard (GB). 1829. April 13. P. 2; The Times (GB). 1829. April 14. P. 3; The Observer (GB). 1829. April 19. P. 1.

[58] Massacre in Persia // Brattleboro' Messenger (US). 1829. July 24. P. 2.

впервые указавшего на «гаремную причину» разгрома посольства: «Поведение русского посла было наглым и раздражающим в высшей степени; возможно, он следовал инструкциям своего двора. Обстоятельство, приведшее к смятению, было его отношение к двум женщинам, которых он требовал из гарема шаха из-за того, что они якобы из Грузии. Женщины были из Турции. С женщинами плохо обращались, и толпа разгромила посольство»[59]. Нельзя удержаться и не привести мнение того же самого Макдональда, высказанное в частном письме руководителю Ост-Индской компании за три месяца до этого: «О великодушном, мужественном, хотя, быть может, несколько несгибаемом характере покойного никто не может свидетельствовать более обстоятельно, чем я, <...> имел бесчисленные возможности должным образом оценить многие добродетели, которые украшали его ум, и осознать, что высокое чувство чести во всех случаях составляло правило и руководило его действиями»[60].

Почти одновременно с очерняющим публичным высказыванием Макдональда в Британии было опубликовано интервью находившегося в Москве с извинительной миссией персидского принца (сына ʻАббас-мирзы) Хосров-мирзы (1813—1875), данное ранее служившему в Персии и находящемуся в отставке британскому дипломату: «Русский посол был человек с большими природными способностями, лингвист и поэт; он хотел примирения с персиянами, но высмеивал их предрассудки. По его неосторожности или даже вине по отношению к двум армянкам, он вызвал неудовольствие населения столицы, которое не удалось погасить даже вмешательством шаха»[61]. При издании своих корреспонденций из России в виде отдельной книги путешествующий англичанин не ограничился наведением напраслины на погибшего посла, а дополнил его характеристику психологическими чертами эгоистического монстра, что перевели на русский и издали в 2008 г.[62] Таким образом, уже летом 1829 г. в публичном поле существовала выработанная британскими дипломатами единственная «гаремная» версия тегеранских событий, а в конце 1829 г. и в 1830 г. были опубликованы еще два рассказа персиян о событии, хранимые Аделунгами в семейном архиве[63]. Их переводы представлены в *Приложениях 2* и *1*.

---

[59] Перевод из: The Morning Post (GB). 1829. June 9. P. 3.

[60] Перевод цитаты из: *Harden E. J.* Griboedov and the Willock Affairs // Slavic Review. 1971. Vol. 30. № 1. P. 87—88. Далее — *Harden 1971.*

[61] Travels to the Seat of War in the East, through Russia and Crimea, in 1829 <...> by captain J. E. Alexander // The Asiatic Journal and Monthly Miscellany. 1830. Vol. 3. № 10. P. 115.

[62] *Александер Дж.* Россия глазами иностранца. М.: Аграф, 2008. С. 105—109.

[63] РО ИРЛИ, ф. 457, ед. хр. 18, 29. Необходимо упомянуть двух персон, благодаря которым этот архив дошел до нас: Б. Л. Модзалевский приобрел архив в 1919 г. у бедствующей вдовы сына Н. Ф. Аделунга (внука Ф. П. Аделунга) Николая Нико-

Чрезвычайно маловероятно, что случайностью можно объяснить почти одномоментную (с учетом скорости передачи информации того времени) публикацию в ноябре 1829 г. переписки персидской правящей семьи (*Приложение 2*) и рассказа чиновника протокольного отдела в 1830 г.: в сентябре по-английски, в октябре по-немецки (*Приложение 1*) и в декабре по-французски. Рассказ СЕКРЕТАРЯ расходится с утечкой из официальной персидской переписки не только в численных сведениях, но и фактах: обходительность шаха и вельмож по отношению к посольству сменилась неудовольствием после второго Высочайшего приема (10 или 12 января 1829 г.), на котором Грибоедов отверг торги вокруг статей уже подписанного договора; обвинение в воровстве *мирзы* Якуба выдвинули после его просьбы о возвращении на родину; Грибоедов пытался на четвертой Высочайшей аудиенции (22 января 1829 г.) перевести разбирательство недостачи у Якуба из духовного суда (обязанного предать смерти перешедшего в христианство) в суд светский, но шах в этом отказал, тем самым усилив полномочия мулл. Персидские солдаты, охранявшие посольство, разбежались еще перед первым нападением толпы, вооруженной только холодным оружием. К концу первого приступа шах отправил несколько полицейских разогнать толпу; во время второго штурма отряд гвардейцев во главе с двумя шахскими сыновьями был настолько невелик, что его заставили убраться бранью. По рассказу СЕКРЕТАРЯ, гвардейцы никого не спасли; четверых выживших «русских» спас или подкуп, или тяжелое ранение, принятое нападавшими за смерть. Во время первого нападения Грибоедов был легко ранен камнем при попытке обратиться к толпе с увещеванием, а убит позднее многочисленными сабельными ударами во время второго штурма. И самое главное: нападение толпы было вызвано не спонтанным уличным конфликтом, а агитацией мулл в мечетях, продолжавшейся больше суток, о чем ночью накануне нападения был информированы шах, принц-наместник и (по крайней мере) один из высших чиновников.

Отчего могли возникнуть два разных рассказа о событии (потому что благодаря другим великобританским дипломатам рассказ персидского чиновника дошел до нас: один уроженец Шотландии записал, а другой хлопотал о публикации в английском журнале истории СЕКРЕТАРЯ)? Ответ на этот вопрос связан с существовавшей в то время конфликтной ситуацией в британском представительстве в Персии. Сложные отношения Форин Офиса и Вест-Индской компании, между Дж. Макдональдом и братьями Генри (1790—1858) и Джорджем (1802—1883) Уиллоками подробно освещены и русскими[64], и английскими

лаевича Аделунга (1859—1917), энтомолога Зоологического музея ИАН и историка науки (см.: Дело фонда Аделунгов Федора Павловича и его сына Николая Федоровича).

[64] *Аринштейн 1981*. С. 230; *Аринштейн 1989*. С. 117.

исследователями[65]. Единственным документом, бросающим свет на фиксацию рассказа СЕКРЕТАРЯ, является рекомендательная записка в издаваемый в Лондоне журнал от 10 января 1830 г.[66] будущего посла в Персии, а пока доктора британской миссии Джона Макнейла (1795—1883), давнего корреспондента этого издания[67]. Английские исследователи, тщательно изучив архивы журнала «Blackwood's Edinburgh Magazine», не обнаружили самой рукописи, а обнаружили только записку Макнейла.

Инициировать публикацию на французском мог сам издатель журнала «Nouvelles annales des voyages et des sciences géographiques», выдающийся путешественник, просветитель, полиглот и сооснователь Парижского географического общества Жан Батист Бенуа Эйриес (1767—1846). Он часто посещал Россию и помогал русским путешественникам не только переводом их книг на французский, но и более серьезными проектами. Он организовал дорогостоящее художественное издание в Париже рисунков, сделанных во время кругосветного плавания на бриге «Рюрик» трагически погибшим в Мексике русским путешественником и художником Л. А. Хорисом (1795—1828)[68].

Несколько отличий немецкоязычной публикации от английской и французской позволяют сделать предположение о ее инициаторе. В немецком варианте присутствует краткое послесловие, содержащее четко сформулированную причину трагедии, противоречащую официальным (российской, персидской и английской) формулировкам: «...все пришло в порядок, раз Дворы друг друга прощают[69]. У богов более длинная память, и если трон шаха перед русскими орлами когда-то должен пасть, то об ужасах 11 февраля 1829 г. снова заговорят. Очевидно, что персидское правительство с помощью своего духовенства натравило толпу на них; даже если оно и не имело намерения довести дело до крайности»[70]. В этом решительном комментарии видна не только симпатия к погибшему посольству, но и «русский автор»: ведь, по мнению специалиста, «мотив орла — один из самых частотных и постоянных в русской батальной поэзии»[71]. Не был ли этим пуб-

[65] *Harden 1971*. P. 76—77.

[66] Ibid.

[67] *F. M.* [*MacAlister F.*] Memoir of the Right Honorable Sir John McNeil and his second Wife Elizabeth Wilson. London: John Murray, 1910. P. 64, 72.

[68] *Марисина И. М.* Очерки по истории международных связей Императорской Академии художеств во второй половине XVIII — первой трети XIX века. М.: БуксМАрт, 2021. С. 310—318.

[69] Подразумеваются триумфальные приемы извинительной миссии Хосровмирзы по пути от Тифлиса до Петербурга, прием сатисфакции (алмаза Шах), дарованное прощение и 20-процентное сокращение контрибуции.

[70] Geschichte der letzten russischen Gesandtschaft in Persien und ihrer Ermordung // Das Ausland. 1830. Oct. 25. № 298. S. 1191 (РО ИРЛИ, ф. 457, ед. хр. 29, л. 38 об.).

[71] *Халиуллин К. Р.* Война и русская поэзия первой половины XIX века: официальная идеология и поэтические концепты: дис. канд. ... филол. наук. СПб., 2022. С. 104.

ликатором П. И. Кеппен? Его дневники не сохранили таких указаний. Но он был связан с этой темой родством. Кеппен был не только высокопрофессиональным статистиком и аналитиком, но человеком с глубоким чувством достоинства, толкавшим его порой на столкновения с начальством. Молодым начинающим журналистом в 1825 г. он публично защитился против абсурдных мракобесных нападок М. Л. Магницкого (1778—1844) на опубликованный им библиографический обзор славянских древностей[72], а 16 лет спустя так же публично, уже в ранге академика, он отстоял свою научную правоту и объективность в статье, анализирующей работу русской почты, от нападок покровителя Магницкого, князя А. Н. Голицына (1773—1844)[73]. Но за год, прошедший после несомненно кеппеновской анонимной публикации (см. *Приложение 3*), Петру Ивановичу могла стать доступна какая-то новая информация, что позволило не ссылаться более на «печальные последствия горячности Грибоедова, чем частично следует объяснить несчастье» (как он это сделал в своей публикации января 1830 г.), а осенью 1830 г. четко указать виноватого: «Очевидно, что персидское правительство с помощью своего духовенства натравило толпу на них...». Возможно, такой информацией стали рассказ СЕКРЕТАРЯ, известный Кеппену до публикации *Нарратива*, и обсуждение этого свидетельства со своим другом и тестем Ф. П. Аделунгом.

Второй особенностью немецкоязычной *Истории* (и одновременно серьезным аргументов против того, что она переведена с *Нарратива*) могло бы стать расхождение в числе погибших «русских». *История* указывает число 54, что близко к 55, в ней же указанному числу прибывших из Тавриза в Тегеран[74]. При нападении чудом уцелели четверо[75]. На территории посольства погибли двое грузинских купцов[76] и *мирза* Соломон Меликянц[77], прибежавшие предупредить Грибоедова о приближении толпы. Этих троих погибших СЕКРЕТАРЬ мог присоединить к «погибшим русским», что делает более верной цифру погибших, приведенную в *Истории*, чем в *Нарративе* и *Реляции* (44 человека). И если предположить, что перевел на немецкий рассказ СЕКРЕТАРЯ П. И. Кеппен, профессиональный статистик, естественно, что он пересчитал и исправил число погибших, неточно указанное в *Нарративе*. О том, что Кеппену в 1830 г. была доступна английская и индийская пресса, свидетельствует сделанный им отчет по холере в Бахчисарае[78].

---

[72] ПФ АРАН, ф. 30 (Кеппен П. И.), оп. 1, д. 503.

[73] Там же, д. 508.

[74] Geschichte der letzten russischen Gesandtschaft in Persien und ihrer Ermordung // Das Ausland. 1830. № 287. S. 1145.

[75] *Дмитриев*. С. 609.

[76] Geschichte der letzten russischen Gesandtschaft in Persien und ihrer Ermordung // Das Ausland. 1830. № 295. S. 1178.

[77] Ibid. № 297. S. 1187.

[78] РГИА, ф. 398, оп. 81, д. 1068, л. 18—20 об.

Остается заключить, что взятый в России курс на замалчивание события и отказ от его расследования облегчил персидским властям уход от ответственности и позволил обвинить в произошедшем самих жертв.

Авторы благодарны ведущему научному сотруднику Института восточных рукописей РАН Алексею Александровичу Хисматулину за исправление транслитерации персидских собственных и нарицательных имен, ценные справки и обсуждение событий.

Кальки персидских, арабских и тюркских слов переведенных текстов выделены курсивом.

Приложение 1

Перевод публикации[1] в газете «Das Ausland» 14—25 октября 1830 года «Истории последнего русского посольства в Персии и его гибели»

Еще до сих пор, без сомнения, памятны те ужасные события, жертвой которых стали в феврале месяце 1829 г. русский посланник в Персии и его свита. Возможно, наши читатели заинтересуются рассказом, набросанным персиянином и содержащим любопытные подробности о русском посольстве со дня его отъезда, 20 декабря 1828 г., из Тавриза в Тегеран и за все время пребывания его в этом городе до 11 февраля 1829 г.

История последнего русского посольства в Персии и его гибели

После того как его Высочество ‘Аббас-мирза[2] отправил *михмандара*[3] сопровождать русское посольство, то и я, в качестве секретаря последнего[4] и счетовода, покинул Тавриз[5] со свитой хана 16 числа месяца *джумади ас-сани* (22 дек. 1828 г.)[6]. Двумя днями ранее город покинул господин Грибоедов, и мы нагнали его в деревне Тикма-даш[7].

Моему начальнику дали это поручение неожиданно, так как *мирза* Муса-хан, брат *кайим-макама*[8] его Высочества[9], ранее назначенный сопровождать посольство в столицу, сумел уклониться, сославшись на слабое здоровье. Был ли он вообще настроен против подобных поручений или считал его ниже собственного достоинства, но его заменил мой начальник.

Для обеспечения пристанища, пищи и радушного приема мы запаслись всевозможными документами о наших полномочиях для различных правительственных служб и местных администраторов тех районов, через которые лежал наш путь. Во время прощальной аудиенции принц ‘Аббас-мирза дал хану подробные распоряжения во избежание поводов для недовольства посла. В помощь моему хану были выделены помощники: Мухаммад-‘Али-бек[10] (помощник *фарраш*[11]-*баши*[12]) и еще шесть младших *фаррашей*[13].

Хан ранее имел некоторое знакомство с послом, но в Тикма-даше его приняли не очень тепло. Господин Грибоедов проявил свое расположение и доверие к *михмандару* не ранее, чем оказанные послу во время путешествия услуги и любезности дали хану право на благоволение посла. Первоначальная холодность господина Грибоедова проистекала из его недовольства отсутствием *мирзы* Муса-хана, чье положение было гораздо выше положения моего начальника. Это обстоятельство, вкупе с суровой погодой, сделало наше путешествие скучным и изнурительным. Земля была покрыта глубоким снегом, но мы делали все для удобства посольства и облегчения трудностей, которые всегда сопровождают зимние путешествия.

Посольство составило многочисленный отряд. Кроме господина Грибоедова, в него входили: господин Мальцов[14] (1-й секретарь), господин Аделунг (2-й секретарь), врач[15], *мирза* Нариман (армянский переводчик), какой-то грузинский принц[16], Дадаш-бек (посланный в Решт)[17], Рустам-бек (управляющий хозяйством), охрана из шестнадцати линейных казаков (с Кубани)[18] и около тридцати сопровождающих и слуг (мусульмане, русские, грузины и армяне).

Вскоре я убедился, что слуги посольства не находились под строгим контролем. Отношение армян и грузин к моим соотечественникам в общем было высокомерным и недружелюбным[19].

Обязанности *михмандара* затруднительные и неприятные, и при этом необходимо выказывать почтение и угодить нужно всем. Ежедневно в деревнях мы заботились о поставках большого количества провизии. Для этого мой начальник составлял полный список принимаемых от жителей продуктов. Этот список давал им право на соответствующий вычет из суммы ежегодных платежей государству[20]. Принимал поставки и распоряжался ими как раз Рустам-бек.

Вот перечень ежедневных нужд посольства[21]: 1 бык, 1 теленок, 5 овец, 30 птиц, 200 яиц, 13 *манов*[22] риса, 36 фунтов сливочного масла, 36 фунтов простокваши, 12 фунтов сыра, 24 фунтов леденцов, 3 фунта пряностей, 240 фунтов хлеба, 6 фунтов кислого виноградного сока, 6 фунтов виноградного уксуса, 1 бутылка лимонного сока, 6 фунтов изюма, 3 фунта миндаля, 60 фунтов фруктов, 18 фунтов репчатого лука, 3600 фунтов дров, 120 фунтов древесного угля, 1800 фунтов ячменя, 3600 фунтов соломы, 18 фунтов свечей, 6 фунтов молока, 300 фунтов вина и ликеров.

Стоимость припасов составляла более 60 *туманов*, или 75 голландских дукатов[23]. Это количество превышало потребности посольства, к тому же все невозможно было получить в деревнях. Вместо отсутствующего продукта часто взимали деньги[24]. Излишки шли Рустаму — частенько он получал наличными по 10—15 *туманов*. Такой способ действий нам казался неправильным; но так как мы не знали, как господин Грибоедов относится к превращению своего рациона продуктов в деньги, то мы делали вид, что ничего не замечаем. Однако в сво-

их книгах я отмечал суммы, которые за время путешествия получал Рустам, всего 150 *туманов*[25].

Вблизи города Мийана[26] посла приветствовали *мирза* Фатих, гражданский губернатор округа, вместе с сыном Джахангир-хана, главы племени Шукаки.

Путь через Кафлан-Кух был трудным и утомительным из-за глубокого снега, который покрывал горы. В Занджане посольство остановилось в доме Наджаф-Кули-бека (сына Наср Аллах-хана Афшара[27]), который встречал посла верхом во главе многочисленной свиты. На следующий день после прибытия в Занджан господин Грибоедов представился принцу ʻАбд Аллах-мирзе[28], который оказал ему все почести и знаки внимания. Кроме подарков гостеприимства в виде выпечки, фруктов и блюд его кухни, его Высочество подарил послу очень хорошего коня. Слуга, который привел коня, получил 16 дукатов[29].

Мы получили от ʻАбд Аллах-мирзы 15 лошадей для нужд посольства, чтобы заменить тех, которых предоставил ʻАббас-мирза. Также администрация Занджана оплатила аренду 45 вьючных животных до города Казвина. Когда мы проходили перевал Кафлан-Кух, для помощи моему начальнику прибыли служащие ʻАбд Аллах-мирзы. Они оставались с нами, пока мы не покинули его земли.

В Сийахдахуне[30], на границе с Казвином, мы встретили служащих ʻАли-Наки-мирзы[31], которые сопровождали нас почти до Тегерана. Этим людям Грибоедов никогда не делал подарков за их труды и хлопоты. Средства посла, вероятно, были очень мизерные, так что он не мог быть щедрым. Владельцам домов, в которых он останавливался, он обычно оставлял 1 или 2 дуката, и, насколько я знаю, это было единственное, чем он их отдаривал.

Никогда не забуду, какие трудности нам пришлось вытерпеть, когда мы пересекали долины Султанийи. Холод был пронизывающий, из-за глубокого снега лошади едва двигались, и порывы ветра с дождем и снегом сулили неприятности. Однажды утром мы даже думали, что потеряли посла. Он с двумя казаками сбился с пути и присоединился к нам лишь поздно вечером. Иногда ему хотелось пройти дневной путь галопом с большей частью своей свиты, однако не все кони выдерживали такую нагрузку и, измученные, ложились на землю[32]. Их часто приходилось заменять, забирая вьючных животных у встреченных на дороге.

Отношение посла к моему хану и ко мне становилось все дружелюбнее; он обращался с моим начальником искренне и доверчиво; со мной он часто пускался в беседы. Я мог заметить, что он был человек больших талантов и знаний. Но мне казалось, что он был новичком в своем деле, не привык командовать и в его манерах не чувствовалось важности. Кроме того, его сопровождение было подобрано плохо: это были невоспитанные и неподготовленные для этой службы люди[33].

В Сийахдахуне Мухаммад-хан Афшар приветствовал господина Грибоедова от лица шаха. Осенью Мухаммад-хан Афшар был послан в Азербайджан, чтобы встретить посла у Аракса[34] и сопроводить его в Тавриз. Но так как пребывание господина Грибоедова в Тавризе затянулось, то Мухаммад-хан Афшар вернулся ко Двору.

Целая толпа встречающих из Казвина во главе с министром *мирзой* Наби-ханом[35] выехала из города, чтобы приветствовать посольство. Несколько предводителей воинствующих племен с приблизительно тремя сотнями всадников сопровождали его. С ним также прибыли пять *шатиров* (скороходов) и 10 *фаррашей* (слуг, расставляющих палатки), чтобы подчеркнуть великолепие сцены вступления в город. Послу был предоставлен конь с богатой упряжью из конюшни принца. Жильем для Грибоедова стал новый дом рядом с домом *мирзы* Наби-хана. Этот дом был подготовлен для одной из дочерей принца, которую собирались выдать замуж за брата *мирзы*. Свадебные торжества уже начались, и господин Грибоедов принял участие в трапезе по-европейски, которая состоялась в его честь.

Между тем в Казвине случились обстоятельства, которые могли привести к ужасным последствиям. Посол вез с собой список рабов обоих полов, которых персы захватили в русских областях. Несколько грузин и армян[36] присоединились к посольству с намерением освободить родственников. Рустам-бек был общим агентом, который помогал при поиске рабов. Им было известно, что один из слуг Хусайн-хана, бывшего наместника Эривана, привез с собой в Казвин молодую немецкую девицу. Когда ее потребовали от него, он сказал, что якобы продал ее известному купцу; позвали купца и потребовали вернуть девушку; но купец ее продал одному *сайиду*[37] — потомку Пророка по имени шейх ʻАбд ал-ʻАзиз, двоюродному брату главного муллы Казвина. Рустам-бек, несколько казаков и двое *фаррашей* хана *мирзы* Наби нашли и привели *сайида* на площадь перед домом *мирзы* Наби и потребовали выдать немку, хотя она давно была его женой и родила двух детей. *Сайид* отказался, угрозы были напрасны, после чего Рустам-бек приказал бить его[38]. Толпа людей, которая свидетельствовала брак дочери *мирзы* Наби, окружила *сайида* и стала возмущаться; об этом оповестили *мирзу* Наби, и тот вышел из дома для предотвращения насилия. Он велел Рустам-беку прекратить издевательства, иначе никто не сможет сдержать нарастающее недовольство населения.

В то время как *мирза* Наби уговаривал *сайида* привести свою жену, мой начальник доложил о ситуации Грибоедову. Жена *сайида* пришла с двумя детьми и была отведена в покои посла; муж ее остался во дворе перед окнами[39] и заявил, что убьет себя, если его насильно лишат жены. Если же она пожелает покинуть его, то он без сожаления откажется от своих прав на нее. Господин Аделунг, немец-секретарь, казался очень обеспокоенным тем, захочет ли женщина вернуться в Грузию[40]. Посол спросил ее, остается она в Персии или хочет вер-

нуться на родину. Она ответила, что если у нее есть выбор, то она останется с мужем, так как не может расстаться с детьми. После этого господин Грибоедов передал ее *саййиду*[41]. Этот приговор произвел большое впечатление, так как на улице стояла толпа, которая со страхом ожидала решения.

В том же Казвине с большим трудом вернули девочку семи-восьми лет, судьба которой растрогала посла и с которой он обращался как с дочерью[42]. *Мирза* Наби повторял господину Грибоедову во время последовавшего пиршества, как ему благодарны жители Казвина за его поступок с *саййидом*. Три дня мы провели в Казвине, и при прощании *мирза* Наби с несколькими всадниками проводили нас[43].

Это было в Russeabad-e[44], деревне под Казвином, где моему начальнику представилась возможность изложить послу мнение ʻАббас-мирзы. Как обычно, Рустам потребовал деньги за товары, которые невозможно было достать, — на этот раз 11 *туманов*. Местные, хотели они платить или нет, прислали старика, но только с семью *туманами*. За что тот получил от Рустама сильный удар по голове. Внезапно посол услышал яростный крик; господин Грибоедов вышел из комнаты, чтобы узнать о причине шума. Мой начальник сообщил, что за отсутствующее продовольствие старик принес денег меньше назначенного и за это побит Рустамом. Господин Грибоедов выразил недоумение по поводу денег, которые берет Рустам, и упрекнул хана за то, что раньше тот ему про это не говорил. Хан считал, что оценка стоимости отсутствующих продуктов происходит с ведома посла; и что с самого начала путешествия так это и идет, и что *мирза* ведет регулярный счет: в разных деревнях Рустаму заплатили 160 *туманов*[45]. Гнев господина Грибоедова был велик чрез меры[46]; он объявил, что на обратном пути из Тегерана он будет возвращать взятые деньги[47]. Этот момент использовал хан, чтобы открыть послу мнение принца ʻАббас-мирзы, которое тот высказал накануне отъезда: «Тот способ, каким господин Грибоедов ведет дела, доставляет мне большое удовольствие, и я питаю большое уважение и доверие к его таланту и опыту, так что существующее согласие между правительствами не пострадает. Однако я беспокоюсь относительно его свиты. Он мог бы более строго относиться к своему сопровождению; люди слишком одержимы религиозными и личными интересами. Он должен был помнить, что я несколько лет тому назад был вынужден потребовать высылки Дадаш-бека из Тавриза, потому что у него были конфликты с жителями. Рустам-бек — человек недостойный, и я опасаюсь, что эти лица втянут Грибоедова в неприятные ситуации». Это мнение было принято с благоволением, и господин Грибоедов собирался по возвращении в Тавриз не брать на службу армян и грузин, однако пока уволить их он не мог.

Хан и я уверились в добрых намерениях посла. Мы часто ехали с ним рядом и беседовали. Среди разных тем зашел разговор о трудности держать сопровождение в надлежащем послушании. Я заметил,

что в Персии слуги соблюдают исключительное почтение к господам[48], что очевидно имеет хорошие последствия. Благодаря этому они не только знают свое место, но и повышают авторитет хозяина среди местных жителей. Англичане, с которыми я близко общался, прекрасно обходятся со своими людьми. В доказательство я сослался на хозяйство английского посольства. Хотя дом посольства многолюден и в нем люди различных племен и стран, все же посол всех держит в узде благодаря своей выдержке, поэтому ему редко высказывают неудовольствие поведением его слуг.

Наконец мы достигли окрестностей столицы. Но вместо того, чтобы из Сулаймании сразу ехать в Тегеран, мы отправились в деревеньку Канд[49], которая находится в 8 милях от Тегерана, для того чтобы подготовиться к въезду в столицу. Необходимо было вычистить животных. Каждому надеть свою лучшую одежду. Для предстоящего въезда послу подготовили четырех или пятерых коней. Было воскресенье 5-го *раджаба*[50]. Солнце стояло в созвездии Скорпиона, что означает неблагоприятный период, на что я обратил внимание хана. Он возразил, сказав, что *фаранги*[51] не верят в астрологию и поэтому старания отложить въезд напрасны.

За две или три мили до столицы нас встретили несколько слуг шаха с богато украшенными лошадьми, несколько скороходов и другие слуги. Посольство выглядело великолепно. Шах поручил встретить посла Мухаммад-Вали-хану Афшар, которого сопровождали родственники: Аман Аллах-хан и Хабиб Аллах-хан (оба офицера высокого ранга). Появилась еще одна группа во главе с *мирзой* Мухаммад-‘Али-ханом[52], министром принца-наместника, к которой присоединились многие знатные жители города. Посол остановился в больших покоях[53] *занбуракчи-баши*[54], покойного Мухаммад-хана, которые понравились из-за купален и других удобств. В парадных залах стояли корзины с фруктами, вареньем и сладостями. Поскольку покои имели несколько дворов разной величины, то понадобилось некоторое время для размещения членов посольства.

Мирза ‘Абд ал-Хусайн-хан[55], племянник министра иностранных дел, представился послу как *михмандар* шаха. Его дядя отдавал распоряжения, а племянник сам обежал все помещения, чтобы убедиться в их исполнении. Фараханская[56] пехотная рота номинальным числом в сто человек, а в действительности 80, под командой Мухаммад-‘Али-султана прибыла к дому в качестве почетной стражи, и брат последнего, Хаджи-бек, майор того же подразделения, приходил ежедневно для проверки караула. Чтобы оттеснять любопытных от посольства, были присланы пятнадцать *фаррашей* шаха. Хан и я тоже получили комнаты в этой усадьбе, хотя его обязанности *михмандара* с нашим прибытием в Тегеран прекратились.

На следующий день после нашего прибытия состоялся первый церемониальный прием. *Мирза* Абу-л-Хасан-хан[57] был на нем главной

персоной. Почти равными ему по положению были *мирза* Мухаммад-‘Али-хан, *визирь* принца-наместника ‘Али-шаха[58], и его брат *мирза* Мухаммад-Бакир-хан, а также Мухаммад-хан, командующий личной охраной и старший церемониймейстер шаха[59]. Встреча прошла удачно, с обычным обменом комплиментами и знаками внимания. В течение дня посла угощали в изобилии сладостями и фруктами.

После того как все необходимые церемонии, предшествующие аудиенции у шаха, были выполнены, наступило это важное событие. Мне кажется, что это было в среду, 9-го *раджаба*[60]. За час до полудня явился церемониймейстер Мухаммад-хан, чтобы проводить посла во дворец. Он привел восьмерых *насакчи*[61], пятнадцать *зарчи*[62], одиннадцать *фаррашей* и для посла — коня из конюшни шаха. Данным слугам было вменено в обязанность оказывать посольству почести. Пока процессия медленно двигалась, торговцы базаров, стоявшие перед своими лавками, приветствовали посла по обычаю *фарангов*, снимая шапки. Слуги оказывали посольству знаки уважения в проходах и дворах дворца по пути к зеркальному залу, где в полном параде ожидал его Величество. Я мог следовать за господином Грибоедовым только до дверей сада зеркального зала. Прошло пятьдесят минут, прежде чем посол появился снова. От других я узнал, что он передал верительную грамоту и что церемония прошла ко всеобщему удовольствию; однако шушукались о том, что господин Грибоедов слишком долго сидел в присутствии шаха в поставленном для него кресле. На голове шаха была корона, сверкающая украшениями, представление об обилии которых дает тот факт, что шах, утомленный их весом, сразу сбросил ее, как только посол вышел.

Господин Грибоедов, покинув дворец, выразил желание немедленно нанести визит его Высочеству принцу-наместнику[63]. Но этот визит пришлось отложить, так как принц не имел права принимать его без разрешения шаха, и посол отправился тогда в покои Амин ад-даулы[64], которого он, как я узнал позднее, считал первым министром государства. Ничто не могло превзойти вежливость его приема. Так окончились церемониальные визиты. Визит к министру иностранных дел господин Грибоедов нанес только спустя два или три дня. Не ускользнуло от внимания то, что он не общался с *Му‘тамид ад-даулой мирзой* ‘Абд ал-Ваххабом[65], министром первого ранга, который пользовался большим уважением благодаря своей образованности и состязался в первенстве и властных привилегиях с Амин ад-даулой. Принц-наместник, который с удовольствием отклонил бы честь визита, пытался отложить его до того дня, когда шах отсутствовал бы, и уступил только после повторно выраженного желания посла.

Амин ад-даула и *мирза* Абу-л-Хасан-хан провели целый ряд больших празднеств в честь посольства, одно за другим. Дух состязания охватил их; каждый из них старался доставить гостям удовольствие великолепным обслуживанием, демонстрацией китайского фарфора,

стеклянных изделий, всякого домашнего великолепия, которое они наперебой выставляли, иллюминациями и фейерверками. Казалось, что до второго приема у шаха (на двенадцатый или четырнадцатый день после прибытия посольства в Тегеран) при Дворе все стремились выказать уважение послу.

Но с этого момента я стал замечать, что боязливое стремление оказывать любезности постепенно и малозаметно стало убывать. На второй аудиенции у шаха был вручен ратифицированный договор о мире. И снова бросилось в глаза долгое сиденье посла, а слово *муррахас* ('свободны', которым пользовался шах для сокращения времени аудиенций) глубоко оскорбило посла и вызвало появление официальной ноты в адрес министра иностранных дел, в которой указывалось на недипломатичность подобного выражения в отношении представителя императорского Величества. Хотя в ответе послу и было заявлено, что в этом слове, по обычаю, не было ничего оскорбительного или невежливого, но это объяснение показалось послу недостаточным. Вдобавок посол в своей ноте упомянул шаха лишь с титулом «шах», что персидский министр счел достойным порицания.

О характере дипломатических переговоров я не мог узнать ничего определенного. Говорили, что шах не доволен некоторыми статьями договора и что Грибоедов высказался раз и навсегда, что у него нет полномочий для изменений или модификаций договора. Обременяющие и необременяющие обязательства после совещания двух сторон были подтверждены и остались неизменными.

Два или три раза произошли неприятные инциденты между жителями города и слугами посла. Погонщики верблюдов одного знатного господина плохо обошлись с русским слугой Грибоедова Александром (его молочным братом) и избили его. Немедленно покинув город, они избежали наказания. Но не так было дело с одним грубияном, который разбил у казака его бутылку с бренди, и сделал это намеренно, так как поведение иностранцев во многом не нравилось местным жителям. Этого парня арестовали, и он на площади получил удары палками по пяткам.

Потребности всякого рода ежедневно удовлетворялись *мирзой* 'Абд ал-Хусайн-ханом, но по приезде в столицу господин Грибоедов почти вдвое сократил объем поставок.

Вначале армянские жители города появлялись в доме посла редко[66]; стоявшие у входа *фарраши* не впускали их; но со временем это препятствие было устранено. Знакомые *мирзы* Наримана получили разрешение навещать его. Вскоре после этого и знакомые Рустама тоже; и, наконец, доступ стал свободным. Этим воспользовались грузинские купцы, жившие в *караван-сарае*[67]. Некий Иосиф из Еревана, родственник евнуха Якуба[68], был нашим постоянным гостем; он состоял в дружбе с *мирзой* Нариманом[69].

Дадаш-бека отправили из Тавриза в порт Анзали[70] надзирать за транспортировкой императорских подарков шаху. Их должны были доставить в Тегеран до прибытия посла, но случайность помешала их отправлению в Астрахани или они еще где-то задержались. Я слышал, что везущее их судно появилось в Ленкорани[71], но по неизвестным мне обстоятельствам их выгрузили только в Сари-пушта[72]. Итак, по случайности опоздали подарки, которые могли бы привести шаха и министров в хорошее настроение или, по крайней мере, отвлекли бы их внимание от незначительных происшествий. Моим соотечественникам нет ничего приятнее подарка, какую бы ценность он ни имел; подарок может ничего не стоить, но льстит тщеславию, смягчает отношения и неописуемым образом влияет на человека.

Так как господин Грибоедов очень скучал по своей семье, оставленной в Тавризе, то он договорился с министрами шаха, что, как только будет возможно, он покинет Тегеран, а его первый секретарь господин Мальцов и *мирза* Нариман останутся и вручат подарки вместо него. Я не знаю, имел ли посол при себе хоть какую-то малость, чтобы делать подарки. Рассказывали, что он подарил шаху 25 новых русских монет из платины[73], пятнадцать монет — Амин ад-дауле, десять — *мирзе* Мухаммад-хану и пять — *мирзе* Абу-л-Хасан-хану.

Наше пребывание в Тегеране продолжалось двадцать дней; изменившиеся настроения персиян настолько бросались в глаза, что *мирза* Нариман сказал об этом: «Стало холодно, придется уезжать. Пора».

В одном отношении обязанности посла и правда вызывали недоумение. Девять или десять армян, сопровождавших его из Тавриза с целью освобождения своих плененных родственников, все время осаждали его; он не мог ни на минуту покинуть свои покои, чтобы не встретить их с очередными просьбами; и едва одного раба освобождали, как появлялись новые просьбы. Жители выдавали их неохотно[74]. Тем не менее здесь, в Тегеране, как и в Казвине, и в Занджане, многие получили свободу.

Посол не расширял круг своих визитов[75]. Не состоялась и его встреча с *мирзой* ‘Абд ал-Ваххабом. Он побывал у матери Манучихр-хана[76], которая прислала ему сладости и справлялась о его здоровье, но ее сына[77], главу оскопленных, он не посетил[78].

Так как близилось время отъезда посольства[79], Зухраб-хан (казначей шаха) передал награды и подарки шаха для посла и его свиты. Господин Грибоедов получил орден Льва и Солнца 1-й степени с бриллиантами на золотой ленте, вышитую кашмирскую теплую накидку[80], две красивых шали, прекрасное жемчужное ожерелье, кошелек с 1000 голландских дукатов[81] и жеребца с золотой, украшенной бриллиантами уздечкой. Господин Мальцов получил орден Льва и Солнца 2-й степени с бриллиантами и две шали. То же самое получили господин Аделунг и грузинский принц[82]. *Мирза* Нариман получил 2 шали; Дадаш-бек — награду[83] и шаль, офицеры-казаки — золотые медали, а солдаты — се-

ребряные медали. 27 *раджаба*[84], в день раздачи этих подарков, выражающих милость шаха, в доме посла царила настоящая радость. И только один человек из его свиты, казалось, был недоволен — Рустам, грузинский выкрест, который трижды менял веру. Он считал себя равным Дадаш-беку и чувствовал себя оскорбленным из-за того, что ему не досталось ни награды, ни шали. В приступе ярости он воскликнул: «Неужели я недостоин того же, что получил этот фальшивый Дадаш. Я покажу, каков я!! Я устрою скандал до неба!». Зухраб-хану, который принес дары, посол дал 200 дукатов.

На следующий день была прощальная аудиенция; офицеры посольства надели свои награды, все шло хорошо, пока шах очень внятно не повторил это ужасное слово '*муррахас*'. Это слово оскорбило господина Грибоедова, а шаха оскорбило то, что посол постоянно сидел в кресле перед ним в непринужденной позе[85], и они расстались прохладно[86].

Мы думали только об отъезде, и я радовался этому, так как, общаясь с соотечественниками, я замечал их неблагожелательный настрой. Такой же вывод я сделал и в отношении Двора в связи с одним инцидентом. Мне поручили купить жеребца для господина Мальцова у одного офицера из личной свиты шаха. Сделку заключили, и я собирался заплатить, добавив в виде подарка ружье. Но под предлогом того, что шах не одобрит этого, офицер отказался от продажи, а из вежливости ружье оставил себе, но через несколько дней вернул и его.

Приготовления к отъезду шли, день был назначен, вьючных животных наняли. *Мирза* Нариман показал мне перечень сумм, которые господин Грибоедов собирался распределить между *михмандарами*, слугами и стражей. Она составила 1700 дукатов[87]. Лицо посла сияло от мысли о скором свидании со своей молодой женой[88] (грузинской княжной) — она часто была предметом его разговоров.

Но настроение у всех внезапно омрачилось и уподобилось зимней ночи.

Поздно вечером в день получения *калаатов*[89] в дом пришел *мирза* Якуб (евнух)[90] с одним слугой и напрямую обратился к *мирзе* Нариману, который быстро доложил господину Грибоедову, что *мирза* Якуб обратился к защите русских и желает вернуться на родину в Эриван. Господин Грибоедов ответил, что не принимает никого, кто приходит как вор в ночи[91]. Евнух должен покинуть дом и прийти завтра, и тот ушел. На следующее утро *мирза* Нариман покинул дом и вернулся с *мирзой* Якубом, который, как и вчера, был со слугой; он поселился в одном из флигелей здания, которое примыкало к комнатам посла.

Этот человек, в появлении которого мы не видели ничего хорошего, родился в Эриване, где и ныне живет его родня[92]. Его отец, армянин, служил садовником у Мухаммад-хана[93], потомственного хана провинции Эриван. В 1226[94] (1808 г.), при осаде Эривана генералом Цициановым[95], сын садовника попал в плен и был доставлен в *сераль*[96] знаменитого Золотого Исмаил-хана[97]. Спустя несколько лет этот хан

впал в немилость, и Якуб стал собственностью шаха. Служа в гареме шаха, он длительное время пользовался доверием его Величества. Покинув эту должность, *мирза* Якуб занял ответственный пост казначея и главного хранителя драгоценностей гарема.

Мы, знающие взгляды наших соотечественников относительно евнухов, убеждены, что его Величество в вопросах чести скорее расстался бы с одной из своих женщин, чем с *мирзой* Якубом, находились в страшном недоумении относительно последствий, которые могли бы неизбежно возникнуть в результате приема послом *мирзы* Якуба. Мы серьезно размышляли об этом. И хотя нам было известно, что русский министр по последнему мирному договору получил право защищать всех лиц, желающих вернуться на русскую территорию, но мы не видели возможности пощадить гордость *шахиншаха*[98], не касаясь его обычая рассматривать каждого служащего гарема с ревнивым подозрением, и осторожно повлиять на него так, чтобы он совершил то, что противоречило бы его представлению о правильном поведении и унизило бы его в глазах подданных. И действительно, для шаха это было бы большим унижением: уже по результатам войны он упал в глазах народа, и тут еще он собственными руками отдал огромную часть накопленного богатства. И вот теперь он должен был отдать часть своих прав слуге, обязанности которого в его доме были столь деликатного свойства; который знал до деталей все его личные дела и который был осведомлен о его казне и вообще обо всем и потому мог выдать достаточно детальные сведения. С другой стороны, мы не могли представить себе, что русское правительство могло бы много выиграть, имея в руках несчастного *мирз*у Якуба. Поэтому мы не могли предполагать ничего другого, как то, что посланник взял его в дом для использования в целях, которые противоречат интересам Персии. Если *мирзу* Якуба действительно приблизили, отчего же посол не посоветовал ему оставаться в своем положении, там, где он пользовался влиянием и уважением? Наши мысли путались тем больше, чем дольше мы думали об всем этом.

Едва прошел слух о бегстве *мирзы* Якуба, как в дом посла прибыли с целью заявить о неправомерности предоставленной защиты посланные от министров и главного евнуха Манучихр-хана. Однако, так как *мирза* Якуб не отказался от своих намерений ни через посла, ни даже после обещания его простить, то господин Грибоедов отправил его со своим первым секретарем Мальцовым и переводчиком *мирзой* Нариманом к Манучихр-хану, чтобы он сам объяснил свое решение вернуться на родину в Эриван. Но эта встреча прошла без взаимного понимания и ничего не дала. Хотя поначалу, когда *мирза* Якуб, вместо того чтобы вернуться к послу, отправился в собственный дом, все даже подумали, что уговоры Манучихр-хана дали свои плоды. Однако заблуждение продолжалось недолго: вечером он появился снова с разным домашним скарбом и разместился в посольстве.

Тучи сгущались[99].

На следующий день по приказу шаха дом *мирзы* Якуба был опечатан и послу было официально заявлено, что беглец задолжал сумму 30—40 тысяч *туманов*. В это тревожное время я был не в состоянии записывать события по часам, но знаю, что однажды вечером Рустам тщетно пытался забрать имущество из дома *мирзы* Якуба. Он привел несколько мулов и сорвал печати с дома. Уже были упакованы вещи, когда весть об этом дошла до полиции, которая выступила с угрозами и принудила Рустама уйти ни с чем. 27 или 28 *раджаба*[100] господин Грибоедов согласился отправить *мирзу* Якуба в дом Манучихр-хана в сопровождении моего начальника и *мирзы* Наримана, чтобы произвести расчеты в присутствии министра иностранных дел *мирзы* Абу-л-Хасан-хана и казначея Зухраб-хана. Перед этим господин Грибоедов указал на свою готовность удовлетворить министров настолько, насколько это будет соответствовать его полномочиям. Однако боязнь наказания и даже смерти так укрепилась в душе *мирзы* Якуба, что он не позволил себя уговорить вернуться к прежнему своему положению и решительно отверг предложение посла отправиться с ним в Тавриз и поступить на службу к ʻАббас-мирзе.

Мой начальник пошел на эту встречу отдельно от всех; он нашел собравшихся у Манучихр-хана. По дороге с *мирзой* Якубом обращались скверно, что вывело его из себя. Дело в том, что, когда он проходил по коридорам в комнаты, несколько слуг из гарема плевали на него и поносили в самых грубых выражениях. Также и одежды *мирзы* Наримана были испачканы грязью. *Мирза* Якуб отверг обвинения в похищении денег и украшений, сказав следующее: «Неужели у вас нет ни веры, ни религии, раз вы меня обвиняете?» Это подлило масла в огонь — неосторожные слова встретили осуждение, и так как мой хан опасался, что спор возбужденных участников еще больше осложнит ситуацию, то он приказал *фаррашу* шаха Рамазан-беку проводить *мирзу* Якуба домой и позаботиться о его безопасности. Хан последовал за ними. Возмущение господина Грибоедова позорным обращением с обоими *мирзами* было неописуемо. «Это не *мирзу* Якуба оплевали — они оплевали императора и меня. При таком поведении терпение лопается!» Хан попытался смягчить его справедливый гнев и заметил, что это была реакция слуг из низов, на которых можно не обращать того внимания, если бы так из-за религии обращались с *мирзой* Якубом лица более высокого положения. С видимым неудовольствием Грибоедов спросил несчастного *мирзу* Якуба, как он мог позволить себе говорить о вере и произносить слово «религия»? *Мирза* Якуб извинился за свои нечаянно вырвавшиеся слова: «У вас что, нет религии и веры, что вы меня обвиняете?»

После такого выступления нечего было и думать о примирении. Приблизительно 29 числа месяца *раджаба*[101] господин Грибоедов имел личную аудиенцию у шаха, которая ничего хорошего не принесла; де-

ло *мирзы* Якуба должно было решаться в Верховном духовном суде у *мирзы* Масиха. На это *мирза* Якуб возразил, напомнив о том, что по мусульманским законам человек, который отказывается от ислама, не имеет права на уважение, то есть своим отказом он совершает преступление, за которое следует смертный приговор.

По глупой неосторожности *мирза* Якуб позволил себе выразиться неуважительно о домашних делах шаха и его большой семьи и подвергнул сомнению законность суда мулл. Когда он рассказывал грязные истории об обитателях гарема, я перебил его, заметив, что милость шаха, которой он так долго пользовался, не позволяет ему говорить об этом. Посол совершил неосторожность в том, что он обращался с *мирзой* Якубом слишком обходительно. Тот часто ел за столом посла, его снабжали приготовленными для посла блюдами, так как *мирза* Якуб не хотел разделять нашу трапезу из-за боязни отравления. Шах, казалось, отказался от мысли вернуть беглеца. С другой стороны, господину Грибоедову дали понять, что в связи с неопытностью в делах господина Мальцова и *мирзы* Наримана прежнее разрешение на продление их пребывания в Тегеране отозвано, так как могло бы привести к неприятности.

1 числа месяца *шабана*[102] *мирза* Якуб с господином Мальцовым и *мирзой* Нариманом отправился в дом *мирзы* Масиха. Они ожидали по меньшей мере час, а потом им сказали, что верховный мулла чувствует себя плохо и не может слушать дело. Толпа народа уже собралась перед его домом. Как я узнал, *мирза* Масих избегал скопления народа, так как боялся не совладать с собой и произнести слово «неверный»[103] по отношению к *мирзе* Якубу. Тогда толпа сочла бы себя вправе забросать *мирзу* Якуба камнями и истязать его. Поэтому поход туда оказался напрасным.

От *мирзы* Якуба я узнал, что поиски рабов возобновились, и особенно настойчиво добивались возвращения плененной христианки по имени Таллан[104], прелести которой высоко ценились. Также и от Махдикули-хана, сына Хусайн-хана, последнего наместника Эривана[105], потребовали без промедления выдать несколько рабынь, которые, как было известно, были посланы ему из Эривана. Двоих из них он уступил Аллахйар-хану, прежнему первому министру[106]. Махдикули-хан просил Аллахйяр-хана разрешить Грибоедову спросить пленниц об их желании вернуться на родину и тем избавить его от продолжающейся назойливости русского посла. Аллахйар-хан, который помнил еще доброту Грибоедова во время своего плена в Тавризе, был готов помочь, и несколько армян из свиты посла, хлопотавших о своих родственниках, вместе с Рустамом и ага-Мухаммад-‘Али (порученцем *фарраш-баши* ‘Аббас-мирзы) отправились к дому Аллахйар-хана. Из внутренних покоев привели молодую женщину и девушку 13—14 лет. Армяне, однако, не узнали в них своих пропавших родственниц, а женщины не выразили желания покинуть нынешнего господина. Чтобы предот-

вратить неприятную необходимость повторного опроса женщин, Аллахйар-хан велел привлечь несколько уважаемых лиц как свидетелей. И вечером того же дня порученец *фарраш-баши* попросил меня посоветовать моему начальнику, чтобы тот предупредил господина Грибоедова относительно возможных наветов Рустама, который открыто выражал свою решимость либо лишиться жизни, либо освободить младшую пленницу. На следующее утро Рустам от имени посла (я не знаю, с его ли ведома?) сообщил Аллахйар-хану о намерении доставить пленниц к господину Грибоедову, который лично хотел убедиться в их желаниях. Без всяких колебаний Аллахйар-хан отпустил их с несколькими слугами и Мухаммад-Тахур-беком, с которым была помолвлена младшая из них[107]. Когда посол спросил их, женщины ответили, что у них нет желания покидать Тегеран. Но тут господин Грибоедов, в злополучный час, внял предложению Рустама задержать их на 2—3 дня, и потом, возможно, когда их страх пройдет, их любовь к вере и привязанность к родине возобладают[108]. Их поместили под надзор *мирзы* Якуба в одну из соседних комнат и, чтобы помешать доступу посторонних, приставили к ним стражу из пехотной сотни[109]. Слуги Аллахйар-хана воспротивились нарушению обещания, однако их не послушали и отправили восвояси без женщин.

Испытывая к господину Грибоедову искренние чувства, мы ощущали беспокойство, так как знали о настрое общества против него и понимали, что и без новых поводов это брожение делало его положение опасным. Наша нация дикая, жестокая, бесшабашная. Тут нельзя строить планы; общество подобно огниву, которое мгновенно может воспламениться. Мой начальник не скрывал своих опасений и советовал господину Грибоедову отпустить женщин в дом Аллахйар-хана. Тот мягко возразил ему, что его вмешательство неуместно. Мой хан два или три дня не посещал посла, а потом за ним послали, и они помирились. Между тем *мирза* Махди (писарь шаха) наносил визиты, чтобы способствовать возвращению женщин Аллахйар-хану. Министр иностранных дел *мирза* Абу-л-Хасан-хан прилагал усилия в отношении *мирзы* Якуба. Но ни тот, ни другой не достигли успеха.

На третий день своего пребывания у посла женщины заявили о своем намерении вернуться на родину, в деревню Кара-Килиси[110], на границе Эриванской провинции. Трудно утверждать, что это было искренне, так как они при содействии персидских стражников перед своими покоями продолжали постоянное общение с бывшими поблизости людьми Аллахйар-хана. Мухаммад-Тахур-бек, жених одной из пленниц, часто приходил в мои покои[111], до тех пор пока *мирза* Якуб не дал мне понять, что эти визиты не нравятся послу.

Наш отъезд был назначен на 6 или 7 месяца *шабана*[112]. В полдень 5-го, по приказу Рустама, женщин привели в баню, которая находилась в доме. Нельзя было придумать ничего более неосторожного. Баня считается одной из важнейших церемоний, которая предшествует

магометанской свадьбе. После их возвращения из *хаммама*[113] люди Аллахйар-хана попытались забрать женщин силой. Если вначале господин Грибоедов и не знал ничего о посещении бани, то, вероятно, он узнал об этом по возникшим возне и шуму. И я слышал даже, что некоторых своих сотрудников он осыпал упреками и угрозами. Едва ли возможно, что он не понимал ежечасного усиления опасности своего положения.

Моментально, подобно искрам из огня, по городу распространились неблагоприятные слухи о после. Собрались муллы, *мирза* Масих созвал их в этот же вечер в одну из главных мечетей: «Больше никакого снисхождения», — сказал он; «Религия оскверняется, над монархом насмехаются, священные права попираются». Они единодушно решили, что часть мулл должна немедленно отправиться и сообщить принцу-наместнику, что если русский посол не выдаст обеих женщин и *мирзу* Якуба, то народ возьмет их силой. Его Высочество попросил не прибегать к насилию прежде, чем он не переговорит с послом[114].

Когда мне сообщили о событиях в мечетях, я поставил в известность *мирз*у Наримана в выражениях, которые казались мне убедительными, но меня высмеяли. «Мы, — сказал он, — стадо верблюдов-*занбураков*[115], нам знаком запах пороха». Я помню еще одну беседу с этим несчастным. Он показал мне официальную ноту к министру Двора, составленную им по указанию посла. Предмет был незначительный, но мне бросилось в глаза слово «шах», употребленное без титулов. Я указал ему на то, что правильнее было бы написать «Его Величество», или «*шахиншах*», или «защитник мира». Эти формы вежливости были в Персии традиционными с древности; другие европейцы (например, англичане) никогда не употребляли имени шаха столь невежливо; почему бы представителям России не быть такими же вежливыми. «О, — возразил мирза, — вы не совсем понимаете деловой стиль. Россия в состоянии командовать там, где можно командовать. А если Англия хочет чего-то, то она достигает этого угодливым и вежливым поведением».

В ходе этого дня[116] *мирза* ‘Абд ал-Ваххаб пригласил посла на беседу в дом Мухаммад-‘Али-хана; в результате этого приглашения был снят и вопрос первого визита. Он считал, что нет смысла пытаться вмешиваться в неурядицы: дела жалкого создания *мирзы* Якуба и двух бедных женщин не должны довести до разрыва отношений между двумя великими державами[117].

В среду 6-го *шабана*[118] был день нападения, схваток и ужаса, которые не сотрутся из моей памяти. События следовали так быстро, что долгое время я не мог их записать. Это случилось, вероятно, ближе к восходу[119], когда появился слуга принца-наместника ‘Али-шаха и объявил, что из-за чрезвычайных обстоятельств принц немедленно требует к себе моего начальника и *мирзу* Наримана. Господин Грибоедов наслаждался тогда своим последним сном на земле, и прошло бо-

лее полутора часов[120], прежде чем *мирза* Нариман смог получить у него разрешение и уйти.

Так как мой начальник должен был позаботиться о подготовке назначенной на вечер встречи между *мирзой* Абд ал-Ваххабом и господином Грибоедовым, то он покинул дом очень рано и условился с *мирзой* Нариманом о встрече во дворце принца. Но едва прошел час, как мне сообщили, что около главной мечети собрался народ, а внутри в очередной раз совещалось духовенство. Вскоре муллы приказали закрывать все лавки и пригласили *собравшихся* отправиться к русским и, добром или силой, добиться выдачи *мирзы* Якуба и обеих женщин.

Два уважаемых грузинских купца из *караван-сарая* поспешили известить посла о намечавшемся нападении, и Манучихр-хан, по полученному ночью от шаха приказу, послал своего племянника, *мирзу* Соломона Малейкоффа[121], чтобы он в недвусмысленных выражениях известил господина Грибоедова о настроении народа и заставил бы его выдать своих подопечных.

Толпа в четыре или пять сотен лиц из низов, в первых рядах которой находились юноши, вооруженные кольями или обнаженными саблями, мчалась от мечети к дому посла. С трудом пробивался через толпу *мирза* Соломон: к сожалению, слишком поздно для предупреждения посла о безумном намерении, которое уже начало осуществляться. *Мирза* Нариман, собравшийся выехать из ворот для встречи с принцем-наместником, был оттеснен назад и в отчаянии кинулся в покои посла, где моего присутствия требовала подготовка к отъезду посольства в Тавриз.

Град камней летел во двор, голос толпы время от времени поднимался до рева. Мы в испуге прислушивались, не зная, каким будет следующий момент. Нить судьбы вилась вокруг иноземцев. Я не увидел, что они либо готовы лишиться жизни в отчаянной борьбе, либо готовы незамедлительно уступить требованиям толпы, тем отвратив грозную опасность.

У господина Грибоедова находились Аделунг[122], врач[123], грузинский принц[124] (двоюродный брат жены посла), *мирза* Нариман, оба грузинских купца, я, Рустам, ага Мухаммад-'Али (посланный *фарраш-баши* 'Аббас-мирзы)[125]. Большая часть слуг вместе с казаками были во дворах и соседних помещениях. Дом Мухаммад-хана, как уже упоминалось, был просторный, с несколькими изолированными дворами, каждый из которых имел несколько построек. Та часть, которую занимал господин Грибоедов, состояла из центрального зала с прилегающими с двух сторон двумя прихожими и с двумя маленькими комнатами. Крыша и двор этой части дома соседствовали с покоями *мирзы* Якуба.

С каждой минутой пламя гнева толпы разгоралось все сильнее, раздались несколько ружейных выстрелов. Люди штурмовали соседний двор. Кто-то прокричал: «Вывести *мирзу* Якуба!» Как я узнал позднее, это был Хаджи-бек[126], желавший успокоить толпу, передав ей

жертву. Несчастный искал защиты, прячась среди одежды[127], но его вытащили на ристалище, и он пал, под градом оскорблений, от полученных ран. Не меньше постарались и слуги Аллахйар-хана, чтобы заполучить двух женщин[128].

Во время короткой паузы, наступившей после первого насилия, нас известили о смерти *мирзы* Якуба, Дадаш-бека, одного казака и одного или двух слуг. Если их сопротивление стоило жизни двум или трем персиянам, то трупы последних, принесенные в мечеть и выставленные напоказ, подстегнули толпу на новые безумия.

Между тем сосед посла, кондитер, пекарь и бакалейщик по имени ‘Али-вирди, служивший у Манучихр-хана, использовал эту паузу и бросился в дом посла, чтобы спасти от гнева толпы находящегося там родственника[129] своего господина, *мирзу* Соломона. Когда он предложил ему следовать за ним в свою квартиру, он с тем же усердием предложил защиту и послу, но ни один из них не принял это доброе приглашение. *Мирза* Нариман громко вскричал: «Никто не рискнет коснуться представителя императора. Выстрелы ваших винтовок нас не запугают. Разве мы не слышали их в Гандже, в Аббас-Абаде и Эриване?!» Господин Грибоедов отклонил предложение или из нежелания расстаться со своими соратниками, или не оценив всей опасности. И бакалейщик удалился один.

У казаков[130] теперь было время приготовить оружие на случай повторного нападения. Мы уже надеялись, что бунт закончился, но менее чем через полчаса[131] мы разочаровались — нападающие вернулись в большем числе и с большей яростью. Многие уже имели огнестрельное оружие, многие принадлежали к другому сословию и были не простыми лавочниками и бездельниками. Люди из военного сословия присоединились к ним. Они появились с бешеными криками и обрушили на дом град камней, так что мы вынуждены были закрыться в спальне Грибоедова, которая находилась справа от большого покоя. Напрасно господин Грибоедов пытался говорить с толпой — голос человека не мог перекрыть ее рев. Приказ, отданный казакам стрелять боевыми[132], мало помог — смерть была на пороге. Ее жертвы — беспомощные, испуганные — столпились, как толпится стадо овец при нападении диких волков. А вот казаки относились к опасности как люди, полные решимости защитить своего начальника и продать дорого свои жизни.

Некоторые из слуг проявили исключительное присутствие духа и мужество, особенно курьер по имени Хачатур[133]. Этот храбрец бросился с саблей в руке на нападавших и изрубил двоих. Перед ним расступились, тут он достиг лестницы и поднялся по ней, чтобы оттеснить врагов от стен. Его встретил град камней, дважды он качнулся, но стремился вперед, пока брошенный камень не сломал его клинок. Так, беззащитный, он был забит и иссечен камнями.

Некоторое время, казалось, успех толпы был сомнителен. Попытка очистить двор возымела действие — толпа немного отхлынула. Но те, что были на крышах, продолжали нападение и в окно покоя посла бросали камни и кирпичи.

Находясь в бедственном положении, мы все еще надеялись на то, что шах пришлет войска на помощь. Наша фараханская стража была рассеяна при первой же атаке, так что они не могли защитить нас. Крыша дома начала рушиться от сотрясений. Она была пробита, и один из первых выстрелов сверху внутрь смертельно ранил молочного брата посла. Господин посол в горе воскликнул: «Смотри, смотри, они убили Александра!» Прежде чем мы перебежали в среднюю комнату, еще двое посольских погибли. Но и этот покой из-за своего большого окна был уязвим, и мы не могли в нем долго продержаться. Я бы с удовольствием ушел и смешался с толпой (как это сделал слуга принца ʻАббас-мирзы Ага-Мухаммад-ʻАли), однако мне это не удавалось. Оставшееся присутствие духа позволило мне наблюдать за лицами посольских. Некоторые помертвели, другие выражали безумное отчаяние; лишь немногие, включая и казаков, проявили выдержку в этой неистовой борьбе. Посол, скрестив руки, ходил по прихожей и иногда в растерянности хватался за волосы. Его лоб кровоточил от ранения в правый висок. Он подошел ко мне и произнес вопросительно: «Они хотят нас убить, *мирза*?» Я мог только подтвердить это. Последние слова, услышанные мной от него, были: «Фатх-ʻАли-шах, Фатх-ʻАли-шах!»[134].

Меня восхитила мужественная гибель врача. С начала атаки он делал все, чтобы подбодрить своих товарищей и мобилизовать их на борьбу. Его единственным оружием была небольшая европейская сабля. Он думал, что есть возможность спасения, и для этого он пролагал путь во двор, угрожая каждому, кто ему мешал, пока не столкнулся с молодым силачом, с которым обменялся несколькими ударами. Русский поднял руку, защищая голову, и его левая кисть оказалась на земле. Он метнулся в комнату, сорвал дверную портьеру и перетянул рану. Несмотря на наши попытки остановить его, он выскочил в окно и пропал в толпе после того, как нападавшие со стен сбили его камнями на землю.

Прежде чем мы перебежали из зала в дальнюю комнатку, четверо или пятеро из нас были застрелены. Этот дальний покой был отделен простенком, за которым мы могли укрыться. *Мирза* Соломон и *мирза* Нариман не успели достичь этого последнего убежища, а были сбиты с ног у входа. От окна и ворот начались атаки. Казаки почти все были убиты, и двое из нападавших с кинжалами пытались проникнуть в заднюю часть комнаты. Я заметил, что они в нерешительности, и бросил большой нож; они отпрянули, я последовал вплотную за ними и настолько близко, что меня выбросило в круг нападавших, принявших меня за своего. Но напрасно я прилагал усилия, чтобы выбраться

во двор. Я не мог протиснуться сквозь эту массу и снова оказался в комнате, где увидел неподвижные тела семнадцати[135] жертв нападения. Там лежал посол, с множеством колотых ран в левой части груди. Мне указали на человека, совершившего это — атлета Phalwar[136], уличного борца. В ногах господина Грибоедова лежал распростертый казак (вероятно, тот офицер, который служил ему щитом во все время штурма). Этот верный человек не испугался града камней и сабельных ударов, все его действия были направлены на то, чтобы спасти начальника.

Измученный этой резней, многочисленными ранами от камней и оглушенный, я попытался сделать последнюю попытку, чтобы не остаться на полу среди убитых.

Все духи ада, должно быть, пронеслись здесь и заставили толпу совершить все грехи Тегерана, перед которыми, как мне казалось, человеческая природа должна содрогнуться.

Не насытившись позорными убийствами, с кровью беззащитных людей на своих руках, эти бесноватые злодеи принялись за грабеж. Они раздели окровавленные трупы догола и насмехаясь, вытащили обнаженные тела на улицу, где сложили пирамидой, в которой человеческая плоть была скреплена кровью, текущей из зияющих ран.

Бог всемогущий! Могут ли такие преступления остаться без наказания! Я бы не подумал, что в человеке так много крови[137]. Кровь покрывала всю прихожую и перелилась во двор.

После полудня я добрался до своих покоев. Нашим слугам, уверившим нападавших, что комнаты заняты только мусульманами, удалось сдержать натиск толпы. Здесь нашел убежище господин Мальцов, первый секретарь посольства. Его собственные покои находились в отдалении от покоев господина Грибоедова, и поэтому уже при первом натиске он не мог присоединиться к своим. Спрятавшихся членов посольства разыскивали, и господину Мальцову стоило больших денег[138] и просьб получить убежище у нескольких *фаррашей* шаха и небольшого отделения фараханской пехоты, которые прятались в наших квартирах. Как только гроза немного улеглась, мы доложили принцу ‘Али-шаху, что господин Мальцов жив. Роте пехотинцев[139] было приказано взять дом посла под охрану, и поздно вечером в ее рядах в униформе персидского солдата господин Мальцов пришел во дворец. Это переодевание было необходимо, чтобы народ не ярился. Его положение было опасным, так как бунтовщики со свечами прочесывали весь дом, разыскивая спрятавшихся посольских[140]. Эти поиски зашли так далеко, что толпа даже ворвалась в соседнее здание британского посольства. Семь или восемь русских, спрятавшихся в их конюшнях, были убиты, а лошадей посла увели[141].

Мы должны упомянуть о тщетных попытках шаха навести порядок. Примерно во время захвата *мирзы* Якуба, *мирза* Мухаммад-‘Али-хан прибыл с несколькими слугами к центру событий. Конечно, его

попытки ограничились просьбами, обращенными к людям, которые были глухи к его словам и лишены разума. *Насакчи-баши* и несколько чиновников Двора были посланы один за другим для успокоения бунта, и, в конце концов, даже принцы ‘Али-шах и Имамвирди-мирза[142] двинулись со спешно собранными людьми туда. Огромная толпа нападающих не позволила им приблизиться к дому. Вместо этого принцы должны были думать о своей безопасности. Над ними смеялись, издевались и толкали: «Идите, отдавайте своих жен русским. Достойное намерение, разве недостаточно для вас просто холить ваши длинные бороды розовой водой? Ваш брат ‘Аббас-мирза душой и телом продался русскому императору, убирайтесь, *Gowram Sag*[143], или мы сделаем из вас фарш»[144].

От своих слуг я узнал, что истерзанный труп *мирзы* Якуба проволокли по городу и сбросили в ров за городской стеной. Схожее претерпел труп, который приняли за тело господина Грибоедова. Руки и ноги трупа связали, и процессия прошла по главным улицам и базарам под крики: «Дорогу русскому послу на его пути к шаху! Встать и оказать уважение! Снять шапки и приветствовать по-иностранному! Он жаждет любви, которую вы испытываете к его повелителю императору! Исплюйте ее ему в лицо!» Таким образом тело волокли по земле и выставили на площади перед воротами цитадели на всеобщее обозрение. Когда стемнело, принц-наместник велел внести труп в дом Мухаммад-хана. Ночь прошла без насилия, и наутро появился *фарраш-баши* Карим-хан чтобы убрать трупы. Убедились, что число погибших посольских составило 54 человека[145]. Останки господина Грибоедова обнаружили под кучей убитых перед окном его комнаты — я узнал его искаженные черты и убедился, что над его трупом не издевались. Армянские священники оказали ему последние почести. Его похоронили в церкви, всех остальных — в общей могиле под городской стеной.

Говорят, что были убиты и ранены 26 либо 27 тегеранцев[146]. Если бы посольские успели организовать защиту, и вся свита посла собралась[147], то тогда бы погибло гораздо больше нападавших, и атака могла бы быть отбита. Но кто может уйти от судьбы? Кто отважится, кто рискнет искать причины в воле провидения?[148]

Согласно бомбейской газете от 15 февраля[149] в Тавриз прибыл новый русский посол[150] и тотчас уехал в Шираз, где находился шах с 29 декабря прошлого года с войском в 40 тысяч для сбора налогов. Таким образом, все пришло в порядок, раз Дворы друг друга прощают. У богов более длинная память, и если трон шаха перед русскими орлами когда-то должен пасть, то об ужасах 11 февраля 1829 г. снова заговорят. Очевидно, что персидское правительство с помощью своего духовенства натравило толпу на них; даже если оно и не имело намерения довести дело до крайности. И после этого, для удовлетворения мести русской стороны, оно было достаточно трусливым и пожертвовало несколькими тысячами исполнителей своего предательского плана.

[1] Geschichte der letzten russischen Gesandtschaft in Persien und ihrer Ermordung // Das Ausland. 1830. №№ 287—298 (РО ИРЛИ, ф. 457, ед. хр. 29, л. 13—38 об.).

[2] *‘Аббас-мирза* (1789—1833) — наследный принц Персии с 1816 г.; с 1799 — наместник Адербиджана, с 1805 — и Карабаха, с 1833 — и Хорасана. Автор персидской модернизации. Имел сложные отношения как с отцом и братьями, так и с европейскими дипломатами. Он умер раньше своего отца, Фатх-‘Али-шаха. Его сын, после небольшой заминки, стал следующим шахом Персии — Мухаммад-шах Каджаром.

[3] *Михмандар* (*перс.*) — сопровождающий из протокольного отдела; буквально — принимающий гостя.

[4] *Назар-‘Али-хан Афшар* — чиновник протокольной службы, сопровождавший посольство Грибоедова на пути из Тавриза в Тегеран. Его имя указали Рональд Макдональд (*Harden 1979.* P. 15) и первый секретарь русского посольства И. С. Мальцов (*Ефремов*).

Назар-‘Али-хан исполнял такое же поручение в 1817 г., сопровождая посольство генерала Ермолова. Генерал назвал его «дворским чиновником ‘Аббас-мирзы», остался им доволен (см.: Письмо ген. Ермолова к Аббас-мирзе от 4 дек. 1817 г. // *Акты.* Тифлис, 1875. Т. 6, ч. II. С. 176). После этого ему было даровано ханское достоинство (см.: <*Муравьев Н. Н.*> Записки Николая Николаевича Муравьева. 1816 год // Русский архив. 1886. (Далее — *Муравьев Н. Н.*) № 2. С. 524). Грибоедов познакомился с Назар-‘Али-ханом, ординарцем ‘Аббас-мирзы, в феврале 1819 г. во время первого посещения Тавриза и потом встречал неоднократно. Назар-‘Али-хан оставался близким и доверенным сотрудником наследного принца и в период подготовки к войне с Россией в 1825—1826 гг. Помимо поручений по доставке корреспонденции в Тифлис он собирал в городе агентурные сведения, контролировал действия персидского чиновника, командированного для разграничения границ и даже намеревался ехать в Петербург с поздравлением к императору Николаю I (см.: *Акты.* Тифлис, 1875. Т. 6, ч. II. С. 325—326, 332—333, 338). Назар-‘Али-хан был михмандаром капитана В. Д. Вольховского зимой 1827—1828 гг. (см.: *Белкин Д. И.* Письма В. Д. Вольховского к Грибоедову // А. С. Грибоедов: материалы к биографии. Л.: Наука, 1989. С. 146—154) и доставлял корреспонденцию Макдональда к Дж. Макнейлу и обратно во время Туркманчайских переговоров (*F. M.* P. 94). В 1829 г. Назар-‘Али-хан пребывал в чине полковника (см.: РГИА, ф. 1018, оп. 2, д. 294, л. 1).

Имя секретаря Назар-‘Али-хана Афшар 1828—1829 гг. (СЕКРЕТАРЬ) неизвестно. Нельзя исключить, что *Нарратив* надиктовал сам Назар-‘Али-хан, укрывшись под маской СЕКРЕТАРЯ. Такой прием был обычен для пишущих британских должностных лиц. К примеру, сэр Джон Малькольм (1769—1833), уроженец Шотландии, служил в Ост-Индской компании с 1782 г.; в 1827 г., став губернатором Бомбея, опубликовал книгу «Sketches of Persia» под именем Traveller-а.

Многолетняя вовлеченность Назар-‘Али-хана Афшара в перипетии русско-персидских отношений объясняет многие приведенные в рассказе СЕКРЕТАРЯ факты.

[5] В русском переводе *Реляции* ошибка — Тегеран; в самой *Реляции* указано правильно: покинул Тавриз.

[6] 16 *джумада-ас сани* 1244 г. *хиджры* соответствует дате 23 дек. (вторник) григорианского или 11 дек. 1828 г. по юлианскому календарю.

[7] *Тикма-даш* — деревня в 77 км от Тавриза, ныне город. Согласно описанию дороги, выполненному торговцем-армянином для посольства князя А. С. Меншикова, участок от Тавриза до Тикма-даша имел три промежуточные «станции», рас-

положенные на расстоянии дневного перехода (15—21 версты) друг от друга (см.: РГА ВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 446, л. 32 об.). Тот факт, что посольство Грибоедова отправилось в Тегеран 21 дек. 1828 г. без полагающегося персидского сопровождения и зимой проезжало по 35—37 км в день, говорит не только о большой спешке, но и неувязках с организацией его сопровождения. В своем последнем письме из Тавриза от 1/13 дек. 1828 г. К. Аделунг сообщил намеченную дату отъезда — 16—17 дек. (григорианского) 1828 г. (см.: *Письма из Персии.* С. 218).

[8] *Кайим-макам* (*перс.*) — управляющий делами наместника провинции. В 1817 г. кайим-макам ʻАббас-мирзы, его бывший воспитатель *мирза* Иса, пытался натравить население Тавриза на посольство генерала Ермолова (см.: *Муравьев Н. Н.* № 4. С. 518). В 1828 г. кайим-макамом был сын *мирзы* Исы (Абу-л-Касим Кайим-макам Фарахани; ум. после 1834 г.). Он стал премьер-министром следующего шаха, Мухаммад-шаха Каджара (1808—1848). Имя младшего брата кайим-макама, отказавшегося сопровождать посольство Грибоедова — Муса-хан Хусайни Фарахани (ум. 1846). (Сообщил А. А. Хисматулин.)

[9] В русском переводе *Реляции* вместо указания должности брата (как в *Нарративе*, *Реляции* и *Истории*) к имени Мусы-хана сделано пояснение «зять шаха». Такое определение все время сопутствует имени Мусы-хана в дневниках посольства Ермолова 1817 г. Русским тогда он показался «мальчиком лет 17, едва начинающего <так!> уметь вести разговор» (АВ ИВР РАН, р. I, оп. 6, д. 6, л. 27).

[10] Далее в тексте этот человек назван ага Муххамад-ʻАли.

[11] *Фарраш* (*перс.*) — ковер; также — слуга, занимавшийся коврами или в армии — обозный служитель. В разные исторические периоды: лакей, камердинер, сторож, стражник.

[12] *Баши* (*перс.*) — начальник, глава, старший по должности.

[13] Эта предусмотрительность (многочисленное сопровождение) не гарантировала благополучной дороги. Возможно, желание местного населения избежать дополнительных поборов вынуждало сопровождающих чиновников не проявлять особого рвения. Возможно также, сопровождающий извлекал личную пользу из такого поручения. Известно несколько конфликтов русских чиновников с персидскими сопровождавшими: в 1818 г. — драка русского курьера Алиханова с вороватым и наглым *михмандаром* (см.: *Акты.* Тифлис, 1875. Т. 6, ч. II. С. 206, 207); в 1819 г. мошенничал михмандар Грибоедова (см.: Письма Грибоедова Мазаровичу от 5 сент., 6 сент., 11—13 сент., 6 окт. 1819 г. // *ПСС.* С. 25—41). В 1826 г. буквально грабили посольство А. С. Меншикова его сопровождающие (см.: РГА ВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 447, л. 73—77).

[14] *Мальцов Иван Сергеевич* (1807—1880) остался полным сиротой в 16 лет; его, брата и двух сестер опекал и воспитывал дядя, крупный промышленник. После окончания Университетского благородного пансиона в Москве Мальцов поступил в Московские архивы Коллегии иностранных дел. Он был близок к кругу М. П. Погодина, С. А. Соболевского, В. П. Титова, С. П. Шевырева, В. Ф. Одоевского (см.: Агентурное донесение № 125. Цитировано по изд.: Видок Фиглярин: письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение / сост. А. И. Рейнблат. М.: Новое лит. обозрение, 1998. С. 232). В 1827 г. Мальцов опубликовал три небольших статьи в «Московском вестнике». По рекомендации Грибоедова был напечатан отчет Мальцова о праздновании в Тавризе победы русских под Варной: *И. М.л.ц...* <*Мальцов И. С.*> Письмо к издателю Северной Пчелы // Северная пчела. 1829. 10 янв. № 5. С. 3—4.

Грибоедов в командировках отдавал предпочтение своему деловитому первому секретарю Мальцову. Однако от Грибоедова не укрылось, как зачванился Мальцов, когда, разыскивая Паскевича под Ахалкацыхом, они набрели на полутысячный

отряд русского подкрепления и возглавили его: «Мальцов в восхищении, воображает себе, что он воюет» (Грибоедов — Булгарину. Письмо от 24 июля 1828 г. // *ПСС*. С. 164).

Взятые в Персию золотые дукаты сыграли решающую роль в спасении Мальцова во время резни. Мальцов, живший рядом с квартирой тавризского *михмандара* и его *фаррашей*, успел добежать до их покоев и подкупить слуг *михмандара*. Те укрыли Мальцова (в буквальном смысле, в ковре или сундуке) на время двух атак на посольство, бойни и обыска. Находясь под действием стресса от пережитого, Мальцов описал обстоятельства гибели миссии 18 марта 1829 г. (Докладная записка ген.-майора кн. Долгорукова гр. Паскевичу от ... мая 1829 г. из Тифлиса // *Акты.* Тифлис, 1878. Т. 7. С. 698—699), затем в двух рапортах из Тифлиса 21 и 23 марта и в письме Паскевичу (см.: *Берже Ад. П.* Смерть А. С. Грибоедова // Русская старина. 1872. Т. 6. Кн. X. № 8. С. 163—207). Неприятно поражает в рапортах Мальцова отсутствие сведений о гибели сослуживцев, что говорит о том, что этими вопросами он персиян не тревожил. Но он не забыл зафиксировать слух о подкупе *мирзой* Якубом переводчика посольства: якобы за благополучное возвращение в Ереван штабс-капитану Нариману Шахназарову были обещаны 500 дукатов. Его сведения о пути посольства в Тегеран (18 дней) и пребывании там (32 дня) имеют ценность свидетельства не очень наблюдательного и мало эмоционального молодого человека.

[15] *Мальмберг Франц Август* (1800—1829) — сын ревельского литейного мастера, присутствует в Российском медицинском списке только в 1828 г. По результатам выпускных экзаменов Московского отделения ИВХА Франц Мальмберг вошел в 3-е отделение (слабейший разряд) выпускников 1827 г. и как казеннокоштный студент обязан был отработать не менее 6 лет по назначению. Службу начал в военных поселениях Старой Руссы (см.: Официальная часть // Военно-медицинский журнал. 1827. Ч. X. № 1. С. 145).

[16] *Кобулов Соломон, князь* — один из переводчиков посольства. В русском переводе *Реляции* не упомянут совсем. СЕКРЕТАРЬ приписал ему родство с Н. А. Грибоедовой, в девичестве княжной (на французском и английском — «принцессой»).

[17] *Дадаш-бек* (*Василий Дадашев*) — словесный переводчик и фактор посольства. В Реште пытался разыскать груз с подарками для шаха, отправленными из Петербурга водой через Рыбинск и Астрахань. Несмотря на двух сопровождавших подарки, их не выгрузили в Энзели (порт вблизи Решта) (см.: Грибоедов — Родофиникину. Письмо от 10 июля 1828 г. // *ПСС*. С. 210—212), а отправили в Ленкоран. Из-за сильных дождей и наводнения в Гилани разыскавший подарки В. Дадашев не смог организовать их транспортировку (см.: Грибоедов — Дж. Макдональду. Письмо середины янв. 1829 г. // *ПСС*. С. 302—304), и подарки достигли Казвина уже после гибели посольства (см.: *Дмитриев*. С. 670).

[18] Возможно, число казаков было еще меньше (9 или 10 человек), о чем свидетельствует список опознанных И. С. Мальцовым вещей (см.: *Цымбал Е. В.* Из архива внешней политики России // А. С. Грибоедов. Хмелитский сборник. Смоленск: СГПУ, 1998. С. 319—335). Десять казаков упоминает и Грибоедов, жалуясь на тесноту в Тавризе (см.: Грибоедов — Нессельроде. Письмо от 23 окт. 1828 г. // *ПСС*. С. 365); об 11 или 12 погибших казаках рапортует лейтенант Макдональд (см.: *Harden 1979*. P. 25—26). В Тифлисе для миссии по приказу Паскевича было отпущено 10 комплектов казачьего обмундирования (см.: *Леонов О. Г.*, *Протасенко Г. В.* После гибели Грибоедова // Военная летопись отечества. 2021. № 12. С. 92—99).

[19] В *Нарративе* — тон армян и грузин был командирский и задиристый. В русском переводе *Реляции* — «поведение которых часто раздражало моих соотечественников».

[20] Различные авторы констатировали, что полученные *сурсаты* очень редко принимались в «зачет», а бóльшая их часть оставалась на руках населения, что, разумеется, вносило напряженность в отношения населения и проезжающих.

[21] В *Нарративе* и *Истории* использована британская мера веса — фунт (454 г). В *Реляции* в качестве единицы измерения используется французская мера веса (ливр) с тем же самым численным значением, что и фунт, хотя с 1812 г. один ливр составлял 500 г. Подробно список обсужден в изд.: *Могилевич*. С. 26—27.

[22] *Ман* (*перс.*) — мера веса, соответствует 2,969 кг. В *Реляции* — 84 фунта риса, что в 6,5 раза меньше.

[23] 60 туманов соответствует 240 руб. серебром по контрибуционному курсу, или около 214,6 руб. серебром по актуальному обменному курсу.

[24] В русском переводе *Реляции* — компенсировать непоставленное деньгами требовал Рустам-бек.

[25] В *Реляции* — 160 *туманов*, в *Нарративе*, как и в *Истории,* — 150 *туманов*.

[26] *Мийан* — древнейший город Мидийского царства; ныне в провинции Ирана Восточный Азербайджан, в 200 км от Тавриза и 450 км от Тегерана.

[27] *Наср Аллах-хан Афшар* — глава племени Афшар, в будущем — приближенный Мухаммад-шаха Каджара (сына ʻАббас-мирзы), обладал крайне скверным характером, за что в народе получил прозвище *Захр-и мар хан* (Хан — змеиный яд), с которым сам согласился. (Сообщил А. А. Хисматулин.)

[28] *ʻАбд Аллах-мирза* — сын Фатх-ʻАли-шаха, при его жизни — наместник провинции Хамсэ (совр. Занджан), к югу от провинции Казвин. Он принимал в конце июня 1817 г. и посольство генерала Ермолова (см.: АВ ИВР РАН, р. I, оп. 6, д. 6, л. 30—32 об.).

[29] В *Реляции* не сказано об ответном подарке слуге, по стоимости эквивалентном стоимости коня.

[30] *Сийахдахун* — совр. Такистан. (Сообщил А. А. Хисматулин.)

[31] *ʻАли-наки-мирза* (1793—?) — сын Фатх-ʻАли-шаха, при его жизни — наместник провинции Казвин, после смерти шаха эмигрировал. О благожелательном отношении к русским наместника Казвина и его подчиненных писал Грибоедову в декабре 1827 г. капитан В. Д. Вольховский.

[32] В русском переводе *Реляции* и в *Нарративе* — другой оттенок: «Иногда он с большей частью конвоя завершал денный переход скачкой; лошади не выдерживали ее и уже не годились для дальнейшего путешествия...»

[33] В *Нарративе*: «Его сопровождение было подобрано плохо и, разумеется, не контролировалось надлежащим образом». Так же и в *Реляции*.

[34] По Араксу проходила новая граница между Россией и Персией.

[35] *Наби-хан* — управляющий делами у наместника Казвина ʻАли-Наки-мирзы.

[36] Русский перевод *Реляции* называет только грузин, примкнувших к свите.

[37] *Саййид* (*араб.*) — потомок Пророка.

[38] В русском переводе *Реляции* — бить его кнутом, чтобы привести к покорности.

[39] В русском переводе *Реляции* — с кинжалом в руке.

[40] К. Ф. Аделунг в июле и августе 1828 г. готовил списки похищенных немецких колонистов из окрестностей Тифлиса (см.: *Письма из Персии.* С. 159).

[41] Мальцов в своих рапортах Паскевичу превратил немку с двумя детьми в немку и армянку без детей.

[42] В русском переводе *Реляции* — «На следующий день русским удалось обнаружить девочку лет семи или восьми, о которой посланнику дана была особая записка, и освободить ее с большим трудом. Он отнесся к ней как к родной дочери».

[43] В русском переводе *Реляции* далее предложение: «Принц предоставил в наше распоряжение нескольких своих офицеров с тем, чтобы они помогли нам в де-

ле реквизиции». В *Нарративе* в этом предложении употреблена калька с персидского слова *soursat, сурсат* — документ, по которому михмандар получал жилье и провизию для путешественника.

[44] Топоним не идентифицирован.

[45] Здесь все три текста указывают одинаковую сумму — 160 туманов, в отличие от ранее указанных расхождений. Сумма является значительной для служащего персиянина: в 1820 г. годовое жалованье персидского слуги составляло 50 туманов (см.: Грибоедов — Дж. Уиллоку. Письмо от 2 сент. 1820 г. // *ПСС*. С. 196).

[46] В *Реляции*: «Грибоедов изъявил свое неудовольствие». В *Нарративе*: «...досада Грибоедова была чрезмерной».

[47] Гнев не был только минутной или показной реакцией Грибоедова. Имя Рустам-бека отсутствовало в наградном списке, поданном персиянам накануне отъезда миссии, и Рустам-бек не получил прощальной награды от шаха. В 1820 г., в начале своей дипломатической деятельности, Грибоедов уже возвращал населению незаконно отнятые его михмандаром деньги (см.: Грибоедов — Дж. Уиллоку. Письмо от 2 сент. 1820 г. // *ПСС*. С. 196).

[48] СЕКРЕТАРЬ далек от правды: предыдущий персидский шах Ага-Мухаммад-шах Каджар (1741—1797) был убит ночью в Шуше своим личным слугой.

[49] Сулаймания — в 40,5 км к западу от Тегерана; Канд находится к северу от столицы.

[50] Соответствует дате 10 янв. 1829 г. (григорианского) или 29 дек. 1828 г. (юлианского), которая приходилась на субботу. Следующая упомянутая *михмандаром* дата также подтверждает, что въезд в Тегеран состоялся в воскресенье 6 *раджаба* 1244 г. по *хиджре*.

[51] *Фаранг* (*перс.*) — Европа; европеец. В *Реляции* — франки.

[52] Известно о доброжелательности и поддержке *мирзы* Мухаммад-'Али-хана, которые получил поручик Носков, доставивший подарки шаху в Тегеран в 1826 г. (см.: <*Носков И. Ф.*> Посольство поручика Носкова в Персию с хрустальной кроватью // Исторический вестник. 1887. Т. XXX. № 11. С. 432).

[53] *В Нарративе*: «в просторном особняке».

[54] *Занбуракчи-баши* (*перс.*) — командующий артиллерией.

[55] *'Абд ал-Хусайн-хан* сопровождал своего дядю-министра начиная с 1817 г. и назван Ермоловым «известным пьяницей» (Отношение ген. Ермолова к гр. Нессельроде от 10 авг. 1818 г. // *Акты*. Тифлис, 1875. Т. 6, ч. II. С. 201).

[56] Фарахан — округ на севере провинции Маркази в 200 км к югу от Казвина со смешанным азербайджано-персидским населением; его уроженцы традиционно служили в гвардии (охране) шаха и принцев.

[57] *Абу-л-Хасан-хан* (1776—?) — министр иностранных дел Персии в 1824—1848 гг.; его должность указана в *Реляции* и в *Нарративе* и не указана в *Истории*. Как посол посещал Турцию, Россию и Великобританию. Владел английским. Автор книг о политическом устройстве Европы. Подписант Гюлистанского (1813 г.) и Туркманчайского (1828 г.) мирных договоров. По донесению консула Я. К. Ваценко, этот министр получал пенсион от Ост-Индской компании в размере 3 тысяч *туманов* (см.: Рапорт Ваценко ген. Ермолову от 30 мая 1825 г. // *Акты*. Тифлис, 1875. Т. 6, ч. II. С. 314—316).

[58] В русском переводе *Реляции* отсутствует указание должности.

[59] Эту должность он занимал и в 1819 г. при посещении Тегерана Мазаровичем и Грибоедовым.

[60] 14 янв. (григорианский) или 2 янв. 1829 г. (юлианский), среда. В *Реляции* — 8 *раджаба*.

[61] *Насакчи* (*тюрк.*) — жандарм, полицейский.

[62] Искаженное тюрк. *джарчи* — глашатай.

[63] *‘Али-шах* (1795—1854) — генерал-губернатор (наместник) Тегерана с 1817 г., десятый сын Фатх-‘Али-шаха с почетным титулом *Зилл ас-султан* (Тень султана). Был настроен против официального наследника ‘Аббаса-мирзы и подписания Туркманчайского договора. После смерти Фатх-‘Али-шаха в 1834 г. поднял мятеж против официального наследника — сына ‘Аббаса-мирзы, потом бежал в Индию.

[64] *Амин ад-даула* — министр внутренних дел.

[65] *‘Абд ал-Ваххаб* (?—1829) по почетному титулу *Му‘тамид ад-даула* (*перс.* — доверенный государства, по сообщению А. А. Хисматулина). Премьер-министр, занимал этот пост с 1817 г. и участвовал в приеме посольства генерала Ермолова. Он встречал посольство генерала 5 июля 1817 г., отдал послу первый визит и практически ежедневно с ним встречался (см.: АВ ИВР РАН, р. I, оп. 6, д. 6, л. 30, 32 об. — 34). В это время русский агент характеризовал его как «человека с хорошими познаниями, который в Персии почитается умнейшим и первым из ученых людей <...> один из министров более просвещенных, нежели все прочие, пользующийся особенною доверенностью шаха...»; и, что не ускользнуло от склонного к коммерции С. Я. Мазаровича, «...имевший главнейшее в негоциях действие» (*Акты*. Тифлис, 1875. Т. 6, ч. II. С. 178, 180, 199—201). Однако в 1825 г. консул Я. К. Ваценко сообщал, что он «нетерпим шахом, потому что он гол и часто просит денег» (Рапорт с. с. Ваценко ген. Ермолову от 30 мая 1825 г. // Там же. С. 314). Известно о сильных трениях между ним и Манучихр-ханом, получившим титул *Му‘тамид ад-даул*а после смерти ‘Абд ал-Ваххаба (см.: *Harden 1979.* P. 79—83).

[66] В *Реляции*: «В первые дни у русского министра армян не было видно...» В *Нарративе*: «В первые дни армянские жители города не появлялись».

[67] *Караван-сарай* — постоялый двор, находящийся на трассе.

[68] В русскоязычной литературе обычно эту персону называют русифицированным именем Якуб; в иранской — Йа‘куб Маркариян, и Ага Йа‘куб Армани Иревани. (Сообщил А. А. Хисматулин.)

[69] В этом абзаце, где СЕКРЕТАРЬ обсуждает ослабление режима доступа в миссию, последней фразы нет ни в *Нарративе*, ни в *Реляции*. В *Нарративе* фраза появляется немного позднее.

[70] В 10 км от порта *Анзали* (Энзели в русском употреблении) находится город Решт, центр одноименной провинции.

[71] *Ленкоран* находится в 210 км от Решта.

[72] Порт на о. Сари южнее Ленкорана.

[73] Находчивый министр финансов того времени граф Е. Ф. Канкрин (1774—1845) придумал очень дешевый (но дорого стоивший посольству) подарок: платиновые трехрублевые монеты. Платина в довольно больших количествах скапливалась на уральских золотодобывающих заводах как отход производства, так как время ее промышленного применения наступило век спустя. В 1828 г. из этой пока не востребованной платины отчеканили первые трехрублевые монеты диаметром 21 мм и массой 10,32 г, в следующем году продолжили их чеканку, а также выпуск монет шестирублевого достоинства, а в 1830 г. — и двенадцатирублевых гигантов весом в 41,33 г. Чеканку монет продолжали до 1835 г., а потом прекратили (см.: *Романов Г. М.* Монеты царствования императора Николая I. СПб.: тип. Мин-ва путей сообщения, 1890. С. 189, 192, 195). Этими новенькими трехрублевками, похожими на серебряные, но почти вдвое тяжелее, и снабдили посольство Грибоедова.

[74] В *Нарративе* выражено более энергично: «Выдача пленных всегда разжигала злобные чувства». В русском переводе *Реляции*: «Освобождение этих несчастных сильно раздражало тех, у кого их отнимали; в большинстве случаев их приобретали за деньги, но за них не выплачивали никакого выкупа».

[75] В *Нарративе*: «Посол не сильно расширил круг своих визитов».

[76] *Ускум-ханум*, мать главного евнуха Манучихр-хана, была известным лицом и в Тифлисе, и в Тегеране. Когда ее похищенный сын, принявший мусульманство, только начинал свою карьеру при Дворе шаха, она навестила его. Знание языков позволило ей общаться с придворными и обитательницами гарема; она произвела на всех благоприятное впечатление и неоднократно навещала сына. Ей разрешали привозить с собой священника для совершения христианских обрядов. В 1828 г. она приехала в Тегеран из Тифлиса с внуком, Соломоном Меликянцем. Он входил в состав посольства Грибоедова, но прибыл в Тегеран заранее и жил на квартире своего дяди. Соломон Меликянц погиб в самом начале нападения на посольство, посланный Манучихр-ханом к русским с предупреждением об опасности. Его бабушка умерла от инсульта, узнав о гибели внука. Тела обоих были отправлены на родину для погребения, после чего персидские власти озаботились поиском тела Грибоедова (см.: *Шермазанян Г.* Кончина А. С. Грибоедова по армянским источникам // Русская старина. 1901. № 10. С. 43—51, 55—58, 64—66).

[77] *Манучихр-хан* (?—1847) во время нападения на посольство — главный евнух Фатх-'Али шаха, происходил из армянского рода Ениколопянц, его крестное имя — Цогайр. Один из его братьев (Микаэл Апресович) служил переводчиком восточных языков у Главноуправляющего в Грузии, и генерал Ермолов сомневался в его благонадежности (см.: Отношение ген. Ермолова к гр. Нессельроде от 12 марта 1822 г. // *Акты*. Тифлис, 1874. Т. 6, ч. I. С. 51). Во времена управления Паскевича этот брат выполнял не только письменные работы, но ездил с корреспонденцией в Тегеран сразу после гибели посольства. Из семьи М. А. Ениколопянца ведет происхождение один из ранних списков «Горя от ума» (см.: *Попова*. С. 152). В 1795 г., еще ребенком, будущий Манучихр-хан был пленен во время набега персов на Тифлис. По другим источникам, он вместе с Я. Маркаряном (позднее ставшим мирзой Якубом) был пленен уже юношей в 1804 г. во время боевых действий Цицианова вокруг Эривана. За исключительные способности он находился на воспитании у главного евнуха, стал правой рукой главного визиря, где реорганизовал работу его канцелярии. В 1823 г. был послан управлять провинцией Гилань, прекратил разбои и грабежи, которым подвергались русские купцы, организовал суд по торговым спорам, куда входили двое персиян и двое русских представителей (см.: *Harden 1979*. P. 79—83). Генерал Ермолов в 1817 г. особенно сблизился с Манучихр-ханом, знавшим русский язык. Выполненные художником В. И. Машковым (1792—1839) тронный портрет Фатх-'Али-шаха и картина приема шахом русского посольства были переданы как прощальный подарок шаху именно через Манучихр-хана (см.: АВ ИВР РАН, р. I, оп. 6, л. 62—62 об.). Авторитет Манучихр-хана отмечал в 1825 г. консул Я. К. Ваценко: «Аллахйар-хан в милости у шаха и уже наименован садри-азамом, но под руководством Манучихр-хана, <...> от которого здесь все зависит. Честолюбие его заставит действовать, без сомнения, в нашу пользу, а дабы достигнуть до сей цели, он не дает хода Абу-л-Хасан-хану ни в чем» (Рапорт с. с. Ваценко ген. Ермолову от 30 мая 1825 г. // *Акты*. Тифлис, 1875. Т. 6, ч. II. С. 314). Манучихр-хан был эффективным хозяйственником: он не только контролировал в пользу шаха торговлю в Гилани, но и вел собственный бизнес и там, и в Тифлисе (см.: Предписание ген. Ермолова Астраханскому гражданскому губернатору от 23 сент. 1826 г. // Там же. С. 379). Манучихр-хан был противником войны с Россией; во время мирных переговоров участвовал в формировании персидской делегации и для ускорения выплаты контрибуции занимал деньги под свое имя у купцов в Гилани. В Тегеране он отвечал за надлежащее оформление желания пленных и рабов вернуться в Россию и имел полномочия на изъятие пожелавших вернуться у их хозяев (см.: *Harden*

1979. P. 79—83). В 1829 г. Манучихр-хан стал начальником канцелярии шаха. После уничтожения посольства Грибоедова Манучихр-хан сопровождал Фатх-'Али-шаха на встречу с послом по особому поручению Долгоруковым, но контактов с русскими избегал, ссылаясь на траур по матери. После смерти Фатх-'Али-шаха Манучихр-хан поддержал его внука и наследника Мухаммад-шаха во время мятежа его братьев и дядей, затем управлял провинцией Исфахан. Был похоронен рядом с могилой Фатх-'Али-шаха в Куме.

[78] Весь этот абзац отсутствует в *Реляции*. В *Нарративе* после этого абзаца идут два предложения, которые в *Истории* присутствуют выше: «Некий Иосиф из Еревана, родственник евнуха Якуба, был частым посетителем посольства. Впервые он появился здесь в первый же день, он состоял в особой дружбе с *мирзой* Нариманом. 27-го *раджаба*». Дата стоит отдельно, подобно датам в дневнике.

[79] В *Реляции*: «После окончательного назначения даты отъезда Грибоедова на 27-е месяца *раджаба*, Зухраб-хан...» 27 *раджаба* по *хиджре* соответствует 1 февр. по григорианскому и, соответственно, 20 янв. 1829 г. по юлианскому календарю. В *Нарративе* это дата отнесена к дню получению подарков от шаха и первому (ночному) приходу мирзы Якуба.

[80] В *Нарративе* — вышитая шаль-пелисс. В русском переводе *Реляции* — «богато вышитую большую кашемировую шаль». По объяснению Н. Ф. Масальского, зимней верхней одеждой в Персии был архалук из персидских шалей, подбитый мехом.

[81] Примерно 2850 руб. серебром.

[82] *Грузинский принц* — Кобулашвили (Кобулов, Кабулов) князь Соломон, чиновник по особым поручениям, до назначения в посольство служил у губернатора Тифлиса Н. М. Сипягина (см.: Грибоедов — Паскевичу. Письмо от 3 дек. 1828 г. // *ПСС*. С. 178).

[83] В переводе *Реляции* — орден. В *Истории* использовано слово *decoration* (*нем.* украшение), а не *bestellen* (*нем.* орден), что может указывать на английский первоисточник, где *decoration* означает и орден, и украшение.

[84] 1 февр. (григорианского) или 20 янв. (юлианского) 1829 г. В *Нарративе* эта дата стоит как помета в дневнике несколько выше.

[85] В *Нарративе* использовано французское слово dégagé. В *Реляции* — manner dégagées.

[86] В *Нарративе* далее идет абзац: «Мы были счастливы при мысли об отъезде; все дела были закончены. Все почести, все возможные признания были оказаны представителю императора; удовлетворение легко читалось на каждом лице».

[87] В *Реляции* — 1700 туманов, что почти в 1,25 раза меньше в стоимостном выражении.

[88] В *Нарративе* — слово bride, что означает и невеста, и жена некоторое время после венчания. В *Истории* использовано слово braut (*нем.* невеста), что может указывать на английский источник.

[89] Дар от шаха (*перс.*). Один из знаков уважения в персидской традиции — дарить дорогой халат, поэтому фигуральное значение *калаат* — подарок. (По сообщению А. А. Хисматулина.)

[90] По армянским источникам, уроженец Еревана Яков Маркарян учился в Эчмиадзине, но в 1804 г., уже юношей, решил продолжить образование в Тифлисе, для чего присоединился к каравану, сопровождавшему один из отрядов армии П. Д. Цицианова. По дороге он попал в персидский плен и несколько раз был перепродан. Поступив в гарем шаха, быстро выдвинулся благодаря знанию языков и исключительным навыкам в бухгалтерии. Вскоре, реорганизовав делопроизводство гарема, стал готовить экономические отчеты в объеме государства. Уже в Те-

геране, занимаясь с учителями, освоил французский и русский языки, собрал библиотеку и оказывал регулярную поддержку родным. Тайно сохранял верность христианству, поэтому мечтал вернуться на родину. В 1819 г. он стал управляющим казначейства шаха.

[91] Излагая этот эпизод в своих донесениях Паскевичу, Мальцов употребил такое же выражение: «Вор в ночи».

[92] В *Нарративе*: «Он был низкого рождения», и так же — в *Реляции*.

[93] *Мухаммад-хан Каджар* — отец и предшественник Хусайн-хана на посту эриванского сардара (правителя пограничной персидской провинции); в 1828 г. младший сын Мухаммад-хана Мамед-хан активно сотрудничал с русской администрацией Армянской области, интриговал против Нерсеса Аштаракеци в бытность того членом Временного правления Армянской области, был знаком с Карлом Аделунгом и упомянут в его письмах от 18 и 22 сент. 1828 г.

[94] 1226 г. по *хиджре* соответствует 1811 или 1812 гг. от Р. Х. С 1809 по 1812 г. главнокомандующим в Грузии был Ф. О. Паулуччи (1779—1849); несмотря на относительный успех генерала в действиях против турок, персов и лезгин, в 1811 г. никаких действий под Ереваном, не говоря уж об его осаде, не велось. Очевидно, ошибка СЕКРЕТАРЯ (повторяется на английском, немецком и французском), далее в скобках поставившего 1808 г., что соответствует 1222—1223 гг. по *хиджре.*

[95] *Цицианов П. Д.* (1754—1806) осаждал, но не взял Ереван в 1804 г. В 1808 г. Ереван пытались взять отряды генерала И. В. Гудовича (1741—1820).

[96] *Сераль* (*фр.*) — дворец на Востоке и его женская половина; *перс. 'сарал'* с теми же значениями.

[97] Возможно, имеется в виду Исмаил Талаи, в 1818 г. приговоренный к смерти за неудачный поход для усмирения Хорасана и потерявший в этом походе семитысячное войско. Исмаил-хан выкупил свою жизнь за баснословную сумму (см.: Записка шт.-капитана кн. Бебутова о Персии 1818 г. // *Акты.* Тифлис, 1875. Т. 6, ч. II. С. 199—201).

[98] *Шахиншах* (*перс.*) — царь царей — официальное титулование шаха.

[99] В *Реляции* и *Нарративе* более резко: «Гроза надвигалась».

[100] 1 или 2 февр. (григорианского) или 20—21 янв. (юлианского) 1829 г. СЕКРЕТАРЬ не совсем точен в датах; выше он указал, что 27 раджаба в посольстве приняли подарки шаха и вечером пришел *мирза* Якуб, но его отослали домой. 28 раджаба была прощальная аудиенция у шаха и официальное заявление мирзы Якуба о желании вернуться на родину и его водворение в посольстве. Затем не менее двух дней заняли уговоры и обвинение в хищении. Таким образом, упомянутый визит к Манучихр-хану мог произойти не ранее 1—2 *шабана* 1244 г. по *хиджре*, или 5—6 февр. по григорианскому (24—25 янв. по юлианскому) календарю 1829 г.

[101] 3 февр. (григорианского) или 22 янв. (юлианского) 1829 г., вторник.

[102] 5 февр. (григорианского) и 24 янв. (юлианского) 1829 г.

[103] В *Нарративе* и *Реляции* приведена транслитерация персидского слова *кафир* (*араб.*) — язычник или более широко — не мусульманин.

[104] В *Нарративе* — Тааллан; в *Реляции* — Талаан.

[105] *Хусайн Казвани Девелу Каджар* (1741—1831) — талантливый военачальник, родственник Каджарской династии, помог ей прийти к власти. Каджары, немногочисленное племя (чуть более 1% всего населения Персии) из азиатской Турции, ставили свою родню управлять провинциями для утверждения своей власти в многоплеменной стране. В 1804 г. Хусайн-хан был назначен сардаром Эриванского ханства. Оно имело собственные вооруженные силы и не платило налогов Тегерану. Хусайн-хан участвовал в приеме русского посольства генерала Ермолова 1817 г. Уже тогда он был в глазах русских дипломатов человеком в годах, поразив-

шим их своей необыкновенной меткостью в ружейной стрельбе по движущейся мишени. Хусайн-хан был эффективным администратором и хозяйственником. В 1826 г. он отклонил предложение русских сдать Ереван в обмен на сохранение ему должности и доходов и бежал из осажденного города в Турцию, затем участвовал в обороне Аббас-Абада. В статье XII Туркманчайского договора для него и его брата было сделано исключение относительно времени распоряжения их личным имуществом, оставшимся в Ереване.

[106] По сложившейся в русских публикациях традиции, *Аллахйар-хана* (1757—1832) считают «главным» врагом Грибоедова и чуть ли не организатором его убийства. Следует заметить, что в 1828 г., хотя Аллахйар-хан и оставался зятем Фатх-'Али-шаха, но пик его административной карьеры миновал, определение «бывший» уже пристало к его имени. В 1817 г., во времена посольства Ермолова, к имени этого хана добавляли «зять шаха» и Аллахйар-хан был первым адъютантом шаха и первым из четырех высших вельмож, получившим императорский подарок от генерала Ермолова (см.: АВ ИВР РАН, р. I, оп. 6, д. 6, л. 35, 38). Но затем последовала сдача Тавриза, оборона которого была ему поручена, русский плен и последовавшее после него публичное наказание в Тегеране.

[107] В русском переводе *Реляции* далее: «Мухаммад-Тахур-беку не разрешили войти в дом посла, а его товарищам — даже во двор». В *Нарративе*: «Сопровождавшим женщин не разрешили войти в посольство».

[108] В русском переводе *Реляции* другой акцент: «Допрошенные господином Грибоедовым обе женщины отвечали весьма внятно, что никакого желания не имеют оставлять Тегеран, но в злополучную минуту уступили вкрадчивому предложению Рустама остаться на день, на два в посольском доме».

[109] В *Нарративе* и *Реляции*: «поставили двух часовых из фараханской пехоты».

[110] *Кара-Килиси* — село в 70 км на север от Еревана, в 160 км от Тифлиса по дороге Тифлис — Эриван. В русских источниках — Караклис. Ныне — город Ванадзор в Армении.

[111] В *Нарративе*: «приходил вместе со слугой». В *Реляции*: «приходил вместе с доверенным человеком Аллахйар-хана».

[112] 10 или 11 февр. (григорианского); 29 или 30 янв. (юлианского) 1829 г. В *Нарративе* и *Реляции*: 7 или 8 *шабана*, то есть 11 или 12 февр. 1829 г.

[113] *Хаммам* (*перс.*) — баня.

[114] В переводе *Реляции*: «...до окончательного решения посла». В *Нарративе*: «Его Высочество просил отложить все насильственные действия до тех пор, пока он не свяжется с послом».

[115] *Занбурак* — мелкокалиберная пушка (40—60 мм) с поворотным механизмом, размещенная в седле верблюда. Такие артиллерийские подразделения были распространены в Центральной Азии и на Ближнем Востоке в XVI—XIX вв.; их использовали для усиления пехотинцев. Пушечками пользовались как на ходу, так и при остановке с лежащего верблюда. В 1828 г. это вооружение заметил в армии Фатх-'Али шаха француз Б. Семино (см.: АВ ИВР РАН, ф. 17, оп. 1, д. 43, л. 12—14).

[116] В русском переводе *Реляции* и в *Нарративе* назван и день недели (вторник), 5-го *шабана*, что соответствует 9 февр. 1829 г., но это — понедельник.

[117] В переводе *Реляции*: «...а также смерти многих добрых людей». В *Нарративе*: «...and the consequent loss of many valuable lives».

[118] 10 февр. (григорианского) 29 янв. (юлианского) 1829 г., вторник. СЕКРЕТАРЬ или указывает постоянно следующий день недели, или в числе отстает на один день. В *Нарративе* и *Реляции* обозначены вышеуказанные даты. Нападение же произошло в среду, 30 янв. (юлианского), 11 февр. (григорианского) 1829 г., что соответствует 7 *шабана* 1244 г. по *хиджре*.

[119] В Тегеране 11 февр. (григорианского) солнце восходит в 6:56 и заходит в 17:42.

[120] В *Нарративе* «...в течение полутора или даже двух часов, пока *мирза* Нариман получил от посла инструкции и разрешение отправиться во дворец принца-наместника». В переводе *Реляции* — 2 часа.

[121] Соломон Меликянц, внук Ускум-ханум.

[122] Карл Федорович Аделунг.

[123] Франц Мальмберг.

[124] Князь Соломон Кобулов.

[125] В переводе *Реляции*: «и множество слуг».

[126] *Хаджи-бек* — майор караульной сотни фараханцев.

[127] В *Нарративе* и *Реляции* — цепляясь за одежду Хаджи-бека.

[128] 70 лет спустя после событий был записан рассказ племянника погибшего при разгроме посольства Соломона Меликянца. Согласно ему, обе женщины благополучно вернулись в гарем Аллахйяр-хана (см.: АВ ИВР РАН, ф. 30, оп. 1, д. 3, л. 379 об. — 380).

[129] В *Реляции* — племянника.

[130] В *Нарративе*: «У казаков и слуг...» В переводе *Реляции*: «Казаки и посольские служащие успели выработать некоторый план защиты на случай вторичного нападения».

[131] В переводе *Реляции* — через полтора часа, в *Нарративе* — через полчаса.

[132] В *Реляции* и ее переводе — холостыми; в *Нарративе* — боевыми.

[133] *Шахназаров Хачатур*.

[134] Далее в *Нарративе*: «jensoudre, jensoudre». В *Реляции*: «...jenfoudre, jenfoudre!» со сноской: «Эти слова написаны так в персидском тексте». Первый русский переводчик *Реляции* заметил, что далее (после имени шаха) идут два «энергических» французских слова.

Английский русист и переводчик Лоуренс Келли в монографии о Грибоедове (*Kelly L.* Diplomacy and Murder in Tehran: Alexander Griboedov and Imperial Russian's Mission to the Shah of Persia. London: Tauris Parke Paperbacks, 2006. P. 192, 279) щедро цитирует *Нарратив*. Он попытался перевести последнее восклицание, услышанное СЕКРЕТАРЕМ от Грибоедова, заметив, что персиянин мог в шуме не расслышать верно. Мы добавим, он мог не знать французский хорошо. Он вел свои записи спустя какое-то время, что тоже могло привести к искажению непонятного слова. В своей интерпретации Л. Келли обратился к тексту *Реляции* (а не *Нарратива*) и процитировал ее с искажением: «J'enfoutre, j'enfoutre». Далее он «по слуху» преобразил в имеющее смысл и грамотное «je m'en fous», что означает «мне все равно». Если не менять четыре последних буквы «...utre» на две другие «...us» (что проделал Л. Келли) и привести в порядок согласования, то получим «je m'en foutre». Это имеет почти такой же смысл, какой приводит Л. Келли (примерно: «мне наплевать»), но в предельно обсценной лексической форме.

Нам кажется более правильной догадка кандидата филологических наук Алексея Игоревича Виняра, сделанная с меньшим числом допущений о совершенных СЕКРЕТАРЕМ искажениях, и более психологически соответствующая моменту произнесения. Итак, стоящее в *Реляции* «jenfoudre» может означать «je m'ef-fondre», то есть «Я рушусь (разваливаюсь)», то есть гибну. В соединении с именем шаха слова указывают на надежду Грибоедова на появление помощи.

[135] В донесении Паскевичу Мальцов упомянул 15 убитых в обеих атаках.

[136] В *Реляции*: «...уличный борец-силач, служащий у жителя Тегерана, который, как полагали, нанес удар». В *Нарративе*: «...силач phalwan, по имени _____, находившийся в услужении у жителя Тегерана...»

Борьба является традиционным видом спорта в Иране, а в описываемое СЕКРЕТАРЕМ время — обычным уличным развлечением горожан наряду с фокусами и хождением по канату. Русский дипломат, наблюдавший в 1834 г. за коронацией нового шаха, отметил в процессии «...пехлевани <...> борцы почти нагие с палицами в руках». (см.: *Корф Ф. Ф.* Воспоминания о Персии, 1834—1835. СПб.: Гуттенбергова тип., 1838. С. 198). Один из стилей персидской борьбы можно транслитерировать как похлаван, пахлавини. (Сообщил А. А. Хисматулин.)

Это именование борца весьма далеко от phalwan (как в *Нарративе*) или *Phalwar* (как в *Истории*). Возможно, Phalwar означает не имя человека или род его занятий, а его родину. На северо-западе Индии (500 км от Дели, 400 км от Кабула, 1900 км от Тегерана) существовало одноименное княжество Phalwar, в русской транслитерации обозначаемое как Алвар. Тогда следует читать как «...атлет из Алвара, уличный борец».

[137] В *Нарративе*: «Я не знал, что плоть человека содержит так много жидкости». Это почти повтор восклицания леди Макбет: «Но кто бы мог подумать, что в старике так много крови?»

[138] Мальцов сообщил лейтенанту Р. Макдональду, что заплатил 200 дукатов. (*Harden 1979*. P. 25).

[139] Около 100 человек.

[140] Про поиски со свечами нет в *Реляции*.

[141] В русском переводе *Реляции* более определенно: «План истребления был выполнен до такой точности, что народ ворвался даже в передние дворы Британского посольства...» В рапорте лейтенанта Р. Макдональда указано на гибель троих посольских (двух казаков и конюха-грузина), обнаруженных в конюшнях британского посла (см.: *Harden 1979*. P. 23).

[142] *Имамвирди-мирза Каджар* (1796—1869) — сын Фатх-'Али-шаха Каджара с титулом Кашик-баши (начальник гвардии). Поэт (псевдоним Давар) и, по-видимому, приверженец вероучения Бабы. После смерти отца и борьбы за престол между его сыновьями и внуками примкнул к противникам Мухаммад-шаха Каджара, вместе с ними был посажен в тюрьму, бежал оттуда в Россию, где попросил убежища, но не получил его; переехал в Турцию, а оттуда в Ирак. (Сообщил А. А. Хисматулин.)

[143] По мнению кандидата филологических наук Елены Евгеньевны Арманд, это — искажение персидского *горомсаг* — торгующий своей женой. Такая форма вынужденной детской и женской проституции и, соответственно, лексическое ее отображение известны на территориях от совр. Ирака до Казахстана.

[144] В *Нарративе* далее: «Принцы были вынуждены ретироваться перед толпой, которая оттеснила их в ворота цитадели, быстро захлопнутые для предотвращения насилия».

[145] В *Нарративе* и *Реляции* — 44 человека.

[146] В донесении Паскевичу Мальцов называет 19 персиян и 37 русских, убитых при разгроме миссии.

[147] В *Нарративе*: «...собралась и вооружилась...»

[148] Последнего абзаца *Истории* нет ни в *Нарративе,* ни в *Реляции*. Это заключение немецкого публикатора.

[149] 1830 г.

[150] *Долгоруков Николай Андреевич* (1792—1847) — участник войны 1812—1814 гг., Персидской 1826—1827 гг. и Турецкой 1828—1829 гг. Назначен послом по особому поручению при персидском Дворе в 1829 г. и 15 февр. 1830 г. прибыл в Тегеран.

Приложение 2

Перевод статьи «Персия», содержащей выдержки из писем наследному принцу ‘Аббас-мирзе от наместника Тегерана ‘Али-шаха и Фатх-‘Али-шаха с известием о гибели русского посольства, опубликованных в газете «Allgemeine Zeitung» 1829 (Nov. 21)[1]

Жирным шрифтом выделены темы, отсутствующие в официальном персидском извещении генералу Паскевичу[2], а жирным шрифтом в угловых скобках — противоречия с формулировками этого извещения.

Из самых последних калькутских газет[3] мы получили официальные известия из Персии об убийстве персонала русского посольства. Вот выдержка из письма Его Королевского Высочества ‘Али-шаха и Его Королевского Величества[4] Фатх-‘Али-шаха Его Королевскому Высочеству принцу ‘Аббас-мирзе.

Поскольку мне не остается иного, я считаю себя вправе утверждать, что русский посол со дня прибытия в столицу был принимаем шахом с величайшим вниманием и уважением. День и ночь этим же занимались и государственные министры; они использовали любую возможность для оказания ему почестей и делали все, чтобы его время проходило самым приятным образом и чтобы он мог вернуться с почетом на родину.

Некоторых происшествий не замечали: например, двое армян, живущих в Тегеране[5], убили одного мусульманина и попросили убежища в доме посла, который их приютил[6]. Шах их помиловал и заплатил компенсацию родственникам убитого.

Также один армянин по имени Рустам, который с детства был рабом в Персии и отличался плохим характером, и некоторые другие, схожие с ним лица сопровождали посла и работали у него как шпионы и распорядители. Поведение этих людей для нашего народа было оскорбительным и невыносимым: они подстрекали посла совершать действия, которые создавали враждебные настроения; этим они не проявляли уважения, которое необходимо оказывать нашему правительству.

Например, один тип, принадлежащий к ветви королевской семьи, раненый в голову и оттого произносящий безумные речи, был допущен в дом посла, где, рассчитывая на его защиту, позволял оскорбительные и ругательные слова против правительства шаха.

Вскоре после прибытия посольства в Тегеран[7] *мирза* Якуб, армянин из Еревана, евнух и прежний, пользующийся доверием надзиратель гарема, прихватил большую сумму денег и отправился в дом посла[8]. Шах разрешил послу предъявить права на *мирзу* Якуба, но потребовал, чтобы украденное тот вернул. <**Посол ответил, что необходимо решить дело законным образом**>[9]. Министры согласились с ним, но

мирза Якуб, рассчитывая на защиту посла, выступил с поношениями против законов Пророка и веры ислама. Он обругал представителей высокого духовенства, выставил персидское правительство в смешном свете и проклял персидский народ, так что жители Тегерана всех сословий были возмущены, <**и их терпение лопнуло**>[10].

Пока это происходило, в доме Аллахйар-хана, бывшего начальника Тавризского гарнизона, находились две армянки из Тукана. <**Шпионы посла**>[11] сообщили ему об этом и хотели убедить его в том, что будто бы они обе — пленницы из Грузии и Карабаха, и поэтому посол принял это к сведению. Аллахйяр-хан же утверждал, что они из Тукана[12] и не связаны с Россией. Но посол не хотел этому верить и горячо настаивал на своем. Шах приказал Аллахйяр-хану этих женщин с сопровождением привести в дом посла для их опроса и получения доказательств, что они не пленницы из России. Повинуясь приказу шаха, хан отправил их, но посол вернул сопровождающего, а женщин оставил у себя. Согласно персидским обычаям, женщина не может оставаться в доме иностранца без ущерба для репутации. Кроме того, в эту ночь *мирза* Якуб устроил в посольском доме пирушку, и посольские привели из города публичную девку. Когда две находящиеся в доме женщины это увидели, они начали жаловаться, и толпа до утра волновалась, причем некоторые люди требовали вернуть женщин, но их не вернули.

Возникла ссора между требовавшими возвращения женщин и охранявшими посольство. По обе стороны собралось народу немало: люди посла напали на собравшихся и застрелили из винтовок и пистолетов нескольких тегеранцев. Родственники убитых ввязались в сражение и возник беспорядок.

Когда шах получил об этом известие, он послал меня[13] и Его Высочество принца Имамвирди-мирзу (начальника Гвардии) с двумя или тремя тысячами дворцовых гвардейцев, а также подразделение стражи Рея[14] из цитадели. Мы наступали быстро и разогнали толпу, но, прежде чем мы достигли дома посла, все, что не должно было случиться, уже свершилось. Мы спасли только первого секретаря и трех сотрудников[15]. Все другие, находящиеся в доме, были убиты, даже из *фаррашей* шаха, служивших в доме, и из гвардейцев Зубай[16], которые пытались сдержать толпу. Из моих людей были ранены 30—40 человек.

Если бы этим я мог предотвратить несчастье, я предпочел бы, чтобы вся охрана посольства и гвардейцы были убиты. Я клянусь Богом перед шахом, что лучше бы меня убили со всеми детьми, чем пережить этот позор. Я не знаю, как вы отреагируете на это письмо.

Его Величество приказывает мне дать заверения, что само Небо обрушило на нас это событие, что мы дадим удовлетворение выжившему секретарю. Вы[17] сделайте все, чтобы задобрить английского посланника и русские власти в Тавризе. Пошлете человека в Тифлис для объяснения правды о происшествии. Хотя весь персидский народ из-

за этого инцидента испытывает стыд перед русским правительством, все же о невиновности наших слуг надо рассказать. Любая подобающая компенсация должна быть быстро произведена».

Выдержка из *фирмана* Его Величества шаха принцу ‘Аббас-мирзе. **«Тела убитых были погребены с почестями[18]. С секретарем и другими выжившими обращались наилучшим образом; одновременно издали приказы для наказания виновных, и они будут наказаны[19]. Мы ждем сообщения от Нашего сына о согласии консула Амбургера принять полную компенсацию. В течение двух дней секретарь[20] с *визирем* ‘Али-ханом и Нашим ответом на письмо императора[21] и с описанием собтий должны отправиться к генералу Паскевичу. Они очевидцы того, как все произошло. Секретарь лучше всех расскажет о происшествии. И Мы ждем от сына сообщения о мерах, которые нужно предпринять, чтобы смыть позор с Нашей чести».**

---

[1] Allgemeine Zeitung 1829. Nov. 21. № 325. S. 1299—1300 (РО ИРЛИ, ф. 457, ед. хр. 29, л. 1—2 об.).

[2] Официальное персидское извещение о гибели посольства было опубликовано в 1891 г. в изд.: *Щербатов. Приложения*. С. 67—69. Согласно публикатору, это документ № 551 (1829) архива МИДа. Он был опубликован повторно в 2017 г. в книге: *Дмитриев.* С. 649—650. Далее официальное персидское сообщение, отправленное в Россию, именуется *Письмо к Паскевичу*.

[3] В это время в Калькутте выходили «Calcutta Government Gazette» и «India Gazette». Таким образом, опубликованное известие из Тегерана проделало 4,5 тысячи км (по прямой на юго-восток) до Калькутты и вдвое больший путь оттуда до Баварии.

[4] Здесь и далее переводчик на немецкий язык именует шаха королем, его сыновей — принцами и титулует их Величеством и Высочествами.

[5] В 1839 г. в Тегеране компактно проживали около 500 армян, а в находящуюся за стенами города армянскую церковь регулярно приезжал священник из Эчмиадзина (см.: *Масальский Н. Ф.* Письма русского из Персии. СПб.: тип. Штаба Отд. корпуса внутр. стражи, 1844. С. 147—149).

[6] В рамках исполнения статьи XIII Туркманчайского мирного договора 1827 г., как желающих вернуться на родину.

[7] По свидетельству СЕКРЕТАРЯ (см. *Приложение 1*), *мирза* Якуб появился в доме посольства поздним вечером 20 января, но скрытно принят не был. Он поселился там 21 января 1829 г., на 23-й день пребывания посольства в Тегеране и за 8 дней до нападения на посольство.

[8] Персидская сторона утверждала, что *мирза* Якуб сделал долги по службе, за которые не отчитался и, возможно, что-то украл, после чего просил у русских убежища. Русская сторона не отвергала и другой последовательности событий: служебные бумаги *мирзы* Якуба могли похитить при опечатывании его квартиры уже после того, как он получил убежище в посольстве. О приписываемой *мирзе* Якубу краже ничего не сообщил лейтенант Р. Макдональд, получивший информацию от персидских властей три недели спустя после тегеранских событий (см.: *Harden 1979*. P. 20—26).

[9] В *Письме к Паскевичу* сформулировано иначе: «Посол сказал, что сие дело должно быть решено в Шаре (духовном суде)». То есть русским властям было со-

общено, что сам Грибоедов предложил рассмотреть дело в суде религиозном, который неизбежно приговорил бы к смерти отошедшего от ислама. По свидетельству СЕКРЕТАРЯ (см. *Приложение 1*), Грибоедов 22 янв. 1829 г. на специальной аудиенции у шаха просил о переносе дела в светский суд, но безуспешно. Знавший о трагедии только из официальных персидских сообщений и хорошо владевший персидским языком генеральный консул А. К. Амбургер сразу почувствовал корень зла и рапортовал Паскевичу: «Кажется, что духовенство Тегеранское было главною причиною возмущения, соделавшего нашего министра жертвою ожесточенной черни, ибо в главной мечети провозглашали сбор правоверных...» (Рапорт н. с. Амбургера ген. Паскевичу от 8 февр. 1829 г. // *Акты.* Тифлис, 1878. Т. 7. С. 671).

[10] В *Письме к Паскевичу* противоположное: «...но принудили себя к терпению». «Терпение всех сословий Тегерана» находилось в таковом состоянии и в ноябре 1828 г., когда Грибоедов сообщил из Тавриза об уже нескрываемом в Тегеране осуждении политики ʻАббас-мирзы относительно русских. ʻАли-шах писал брату (а наследный принц ознакомил с этим письмом Грибоедова): «Брат в самых резких выражениях упрекал его в отступничестве от Персии; говорил, что народное нерасположение к нему растет, что при Дворе Шаха все уверены, что он продал себя России, и т. д.» (Письмо Грибоедова Нессельроде от 30 нояб. 1828 г. // *ПСС.* С. 291). В конце декабря 1828 г. подчиненный наследного принца отказался сопровождать посольство Грибоедова из Тавриза в Тегеран (см. *Приложение 1*), что является еще одним примером крайне неустойчивого положения ʻАббас-мирзы (см.: Das Ausland. 1830. 14 Okt. № 287. S. 1145). Уже после трагедии ʻАббас-мирза предполагал отправить с извинениями в Петербург министра иностранных дел Персии Абу-л-Хасан-хана, но тот отклонил это поручение (см.: *Андреева Е. С.* Политическая обстановка в Закавказском регионе в конце XVIII — начале XIX веков и дипломатическая миссия мирзы Абу-л-Хасан-хана Ширази (Илʻчи) // Наукові записки Міжнародного гуманітарного університету. 2013. № 19. С. 45—51).

[11] В *Письме Паскевичу*: «проводники Российского посла».

[12] В *Письме к Паскевичу* о дамах сказано: «из Турции». Возможно, искажение произошло при переводе с персидского; возможно, произошла типографская опечатка и Турция (*нем.* Truthahn) превратилась в Tuthahn. Но сути дела (название это страны или турецкой деревни) это не меняет: Турция почти до середины XIX в. оставалась крупнейшим рынком рабов, и «турецкие» армянки, купленные или захваченные на территории Турции, могли быть как рабынями из-под Еревана, так и турецкими подданными, захваченными во время Персидско-турецкой войны 1823—1825 гг. В рапорте лейтенанта Р. Макдональда, получившего информацию о дамах от персиян, о них сказано «из Муше» (*Harden 1979.* P. 21). В результате Русско-персидской (1826—1827) и Русско-турецкой (1827—1828) войн значительная часть армянского населения Мушского региона переселилась в Армянскую область России.

[13] Наместника Тегерана принца ʻАли-шаха.

[14] Английский офицер Рей некоторое время командовал специализированной охраной шаха. Эта охрана носила собственное имя — Зербасы (Zerbas) и Кешикчи (см.: *Кругов А. И., Нечитайлов М. В.* Персидская армия в войнах с Россией, 1796—1828. М.: Фонд «Русские Витязи», 2016. С. 17).

[15] Остались в живых первый секретарь И. С. Мальцов, чиновник С. И. Меликов (Сулейман-хан), курьер А. Гаспратов и курьер Хачатур Амбарцумян (Ибрагим-бек) (см.: *Дмитриев.* С. 609). Как следует из рапортов Мальцова и рассказа СЕКРЕТАРЯ, их укрывали в квартирах персидской охраны, сообщили об этом в цитадель и оттуда поздним вечером прибыла охрана для сопровождения в крепость.

[16] Переводчик письма ‘Али-шаха на немецкий употребил искаженное название стражи из цитадели Тегерана — Subay вместо Zerbas.

[17] Наследный принц ‘Аббас-мирза.

[18] Как тщательно исследовал С. Дмитриев, тела погибших (кроме условного тела посла) были перезахоронены из городского рва (по сути, городской свалки) во двор армянской церкви Фаддея и Бартоломея в Тегеране только в 1836 г. (см.: *Дмитриев.* С. 614). А. К. Амбургер, присутствовавший при перенесении 1 мая 1829 г. останков Грибоедова из персидского гроба в русский, с горечью констатировал, что тело «...не имело почти никаких признаков прежнего своего изображения: оно, по-видимому, было ужасно изрублено и закидано каменьями и пришло в сильное тление...» (Амбургер — Паскевичу. Рапорт от 4 мая 1829 г. // *Акты.* Тифлис, 1878. Т. 7. С. 697—698).

[19] Мулла *мирз*а Масих, виновный в подстрекательстве толпы, с большими промедлениями и затруднениями был выслан из Тегерана только в конце июня 1829 г. после получения известий о крупных победах русской армии в Турции (см.: *Богдачев С. В.* Персидский принц Хосров-мирза // Грибоедов и Пушкин. Смоленск: СГПУ, 2000. С. 239—275 (Хмелитский сборник; вып. 2)).

[20] И. С. Мальцова задерживали в Тегеране 3 недели (см.: *Harden 1979*. P. 20).

[21] Письмо шаха для передачи русскому императору было вручено 21 янв. 1829 г. при прощальной аудиенции Грибоедову, но оно пропало при разграблении посольства.

Приложение 3

Перевод статьи «Россия» в газете «Beilage zur Allgemeinen Zeitung» от 29 января 1830 года[1]

Россия

15 дек. 1829[2], из Санкт-Петербурга. Немецкие газеты недавно сообщили о страшном убийстве русского посла в Тегеране. Источник сообщения — английский, а в английские газеты известие пришло из калькуттской прессы. Это сообщение, хотя и довольно подробное, но одностороннее; до тех пор, пока не указан преступник, все еще не выяснены детали, наше правительство[3] не опубликует точного описания этого чудовищного преступления. Однако это произойдет не ранее, чем генерал князь Долгоруков[4], посланный несколько месяцев назад в Персию, не получит точных сведений[5].

Что сделал Тегеран, чтобы оправдать произошедшее, известно; как известно и великодушное прощение, которое даровал император Николай I внуку персидского шаха[6]. О количестве убитых персиян английское сообщение ничего не говорит; об этом официально тоже неизвестно ничего[7].

Кроме посла[8], погибли второй секретарь[9], немецкий врач[10] и 15 людей посольства[11] — они убиты самым жестоким образом. Известно, что, когда казалось, исчезла перспектива спасения, несчастные прибежали в глубину покоев посла с намерением здесь продать жизнь подоро-

же[12]. Каждого нападавшего, пытавшегося туда проникнуть, сбрасывали вниз, и так им удалось защищаться в течение часа. Наконец бушующая толпа забралась на крышу здания и развела огонь над комнатой, где они находились; пламя сначала проникло сверху вместе с камнями, пулями и кинжалами, и все заполыхало. Только первый секретарь Мальцов (у которого квартира была в дальнем дворе) и еще трое слуг избежали бойни. Судьба убитых кажется тем страшнее, что посол приехал на несколько дней из Тавриза в Тегеран, чтобы навестить шаха перед его отъездом в Исфахан, и уже на следующий день посольство должно было возвратиться в Тавриз.

Россия и наука могли ожидать от жертв выдающегося служения.

Послу, статскому советнику Грибоедову, было едва 40 лет[13], он был всесторонне образован, со знаниями и опытом, в совершенстве владел персидским языком и знал нравы и привычки персов даже более, чем британец Мориер[14], который в своем «Хаджи-Бабе» современным персам вовсе не поставил памятника, но все и всех раскритиковал и изобразил в мрачном свете.

Грибоедова называют выдающимся русским драматургом, хотя он написал всего одну пьесу («Bittere Früchte des Verftandes»)[15]. И даже это произведение, из-за содержащейся в нем сатиры, до сих пор не опубликовано и не поставлено[16]. Грибоедов был чрезвычайно любезен и общителен, с быстрой реакцией, и печальными последствиями этой горячности частично следует объяснить несчастье, которое настигло и его, и его спутников в Тегеране.

Другой жертвой 31 января 1829 г.[17] был второй секретарь посольства Карл фон Аделунг, убитый рядом с послом[18]. Этому превосходному молодому человеку едва исполнилось 25 лет, и он с усердием три года неустанно готовился к поездке на Восток — это была единственная его цель, его желание и стремление. И то, что он сделал во время краткого пребывания в Персии, показывает, что можно было бы ожидать от его знаний, дара наблюдения и трудолюбия, особенно что касается древностей, нумизматики и ботаники. Его страшная смерть вызвала живое участие, и принц Хосров-мирза лично во время пребывания в Петербурге выразил сожаление его отцу. Вероятно, из его бумаг и коллекций ничего в Тегеране не удалось спасти[19].

Отец его[20], известный во всей Европе многочисленными литературными трудами, смог продолжил свои изыскания в лингвистике, в чем нашел средство смягчения своей боли. Хорошо известно, что он, несколько лет назад, еще при жизни крупного мецената графа Румянцева[21], сумел издать на средства последнего «Путешествия господина Мейерберга»[22], оригинал которого находится в Дрезденской библиотеке. Ф. П. Аделунг также опубликовал произведения санскритской литературы по рукописям, находящимся в Петербурге, чем вновь засвидетельствовал свои обширные познания.

[1] РО ИРЛИ, ф. 457 (Ф. П. и Н. Ф. Аделунги), ед. хр. 29, л. 3—4 об.

[2] Прошло 24 дня со дня публикации в этой газете письма наместника Тегерана и фирмана шаха ‘Аббас-мирзе (см. *Приложение 2*).

[3] Еще одно указание на Россию как на отечество автора статьи.

[4] См. прим. 152 к *Приложению 1*.

[5] Нет сведений, что перед Долгоруковым была поставлена такая задача. Сменивший его в 1832 г. (в ранге полномочного министра) И. О. Симонич (1794—1851) опросил одного из выживших в резне курьеров (Хачатура Амбарцума); однако его рассказ был опубликован только в 1879 г. (см.: *Боде К. К.* Смерть Грибоедова // А. С. Грибоедов: его жизнь и гибель в мемуарах современников. Л.: Красная газета, 1929. С. 207—211).

[6] Внук шаха, сын ‘Аббас-мирзы Хосров-мирза находился в России с мая по ноябрь 1829 г. с извинительной миссией.

[7] Источники дают разные значения потерь персиян: 6 убитых и 27 раненых (см.: The Aciatic Journal and Monthly Miscellany. 1829. Vol. 27. № 6. P. 783—784); 30—40 убитых и раненых (*Приложение 2*); 1 убитый (рапорт лейтенанта Р. Макдональда, см.: *Harden 1979.* P. 23).

[8] *Александр Сергеевич Грибоедов*.

[9] *Карл Федорович Аделунг*.

[10] *Франц Мальмберг*, см. прим. 15 к *Приложению 1*.

[11] Приведенное число убитых «русских» (18 человек) не совпадает ни с данными И. С. Мальцова (37), ни с записью СЕКРЕТАРЯ (44 или 54), ни со сведениями рапорта лейтенанта Р. Макдональда (35). Наверное, автор имеет в виду только членов миссии и ее охрану, исключив слуг и возвращающихся рабов.

[12] Приведенные подробности совпадают с таковыми в пока еще не опубликованном ни в Лондоне, ни в Париже, ни в Штутгарте рассказом СЕКРЕТАРЯ (см. *Приложение 1*) или с более ранней публикацией этого рассказа, нам пока не известной.

[13] Согласно доказательствам, представленным Н. А. Тарховой в 2017 г., год рождения Грибоедова — 1790-й, и автору статьи он был известен.

[14] *Мориер Джеймс Юстиниан* (1780?—1849) — английский посол в Персии. В 1812 г. опубликовал «Путешествие по Персии, Армении и Малой Азии до Константинополя в 1808 и 1809 годах»; в 1824 г. — роман «Похождения Хаджи-Бабы».

[15] «Горькие плоды разума» (*нем.*). Автор статьи не точен — Грибоедов написал несколько пьес.

[16] «Горе от ума» впервые полностью было опубликовано в переводе на немецкий язык в Ревеле в 1831 г.; на русском полностью (с цензурными изъятиями) — в 1833 г.; целиком (с цензурными изъятиями) комедия была представлена на сцене 26 янв. 1831 г.

[17] Указание ошибочной даты трагедии, как и использование юлианского календаря, также свидетельствует о русском авторе статьи. 31 января было ошибочно указано и в первом русском печатном извещении: Официальные известия // С.-Петербургские ведомости. 1829. 18 марта. № 33. С. 171.

[18] Автор статьи словно уже знаком с рассказом СЕКРЕТАРЯ, видевшего Грибоедова и Аделунга, стоявших рядом перед гибелью, и не знаком (или не верит) с майским 1829 г. письмом И. С. Мальцова, описавшего смерть от кинжалов убегавшего по двору К. Ф. Аделунга (см.: Русская старина. 1877. Т. 11. № 9. С. 277).

[19] Спасшийся И. С. Мальцов провел почти три недели в цитадели Тегерана перед возвращением на родину. Персидская сторона объясняла его задержку необходимостью поиска и фиксации вещей, принадлежащих посольству и посольским.

Действительно, Мальцов подписал странный список предметов, опознанных им как принадлежащих членам посольства (см.: *Цымбал Е. В.* Из архива внешней политики России // А. С. Грибоедов. Хмелитский сборник. Смоленск: СГПУ, 1998. С. 319—335).

[20] *Аделунг Федор Павлович* в это время служил в МИД. Он был одним из сооснователей Петербургского филармонического общества, организатором благотворительных концертов, известным нумизматом и библиофилом. Все исследования по истории России он вел на собственные средства и в свободное от службы время, что привело к возникновению солидных долгов (см.: РГИА, ф. 733, оп. 91, д. 85).

[21] *Румянцев Николай Петрович* (1754—1826) — министр коммерции в 1802—1810 гг., министр иностранных дел в 1808—1814 гг. Крупнейший коллекционер и меценат, организатор систематических исследований по истории, географии, этнографии и фольклору России.

[22] *Аделунг Ф. П.* Барон Мейерберг и путешествие его по России: пер. с нем. / изд. Федором Аделунгом, д. с. с. и кавалером. СПб.: тип. К. Крайя, 1827.

Библиографический список

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / ред. Ад. Берже. Тифлис: тип. Гл. упр. Наместника Кавк., 1874—1878. Т. 6, ч. I, II; Т. 7.
2. *Ариштейн Л. М.* Новые данные об обстоятельствах гибели Грибоедова (по английским источникам) // Русская литература. 1981. № 2.
3. *Ариштейн Л. М.* Персидские письма по поводу гибели Грибоедова / А. С. Грибоедов: материалы к биографии. Л.: Наука, 1989.
4. *Берже Ад. П.* Смерть А. С. Грибоедова // Русская старина. 1872. Т. 6. № 7.
5. *Боде К. К.* Смерть Грибоедова // А. С. Грибоедов: его жизнь и гибель в мемуарах современников. Л.: Красная газета, 1929.
6. Видок Фиглярин: письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение / сост. А. И. Рейнблат. М.: Новое лит. обозрение, 1998.
7. *Грибоедов А. С.* Полн. собр. соч.: в 3 т. Т. 3: Письма; Документы; Служебные бумаги / подг. текста и комм. О. Ф. Акимушкин и др. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006.
8. А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников / сост., вступ. ст., комм. С. А. Фомичева. М.: Худож. лит., 1980.
9. *Дмитриев С. Н.* Последний год Грибоедова: Триумф. Любовь. Гибель: историческое расследование. М.: Вече, 2017.
10. *Ефремов П.* О смерти А. С. Грибоедова в Тегеране // Русский архив. 1872. № 7—8.
11. *Кругов А. И., Нечитайлов М. В.* Персидская армия в войнах с Россией, 1796—1828. М.: Фонд «Русские Витязи», 2016.
12. *Масальский Н. Ф.* Письма русского из Персии. СПб.: тип. Штаба Отд. корпуса внутр. стражи, 1844. Т. 1.
13. *Могилевич И. М.* Первые публикации о гибели посольства А. С. Грибоедова и их достоверность // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. № 4.
14. *Попова О. И.* Грибоедов-дипломат. М.: Междунар. отношения, 1964.

15. Реляция происшествий, предварявших и сопровождавших убиение членов последнего российского посольства в Персии: рассказ персиянина // А. С. Грибоедов и его сочинения / изд. Евграфа Серчевского. СПб.: тип. Глав. штаба Его Имп. Вел. по воен.-учеб. заведениям, 1858.
16. *Ф. Б. <Булгарин Ф. В.>* Воспоминания о незабвенном Александре Сергеевиче Грибоедове // Сын Отечества. 1830. Т. 9. № 1.
17. *Фомичев С. А.* Александр Грибоедов: биография. СПб.: Вита Нова., 2012.
18. *Шостакович С. В.* Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова. М.: Соцэкгиз, 1960.
19. *Щербатов А. П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич: его жизнь и деятельность. Т. 3 (октябрь 1827 — май 1831). СПб.: типолит. Р. Голике, 1891.
20. *Юдина Е. В., Могилевич И. М.* Письма из Персии 1828 года секретаря русского посольства Карла Аделунга в полном переводе // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2020 год. СПб.: Родник, 2020.
21. *F. M. <MacAlister F.>* Memoir of the Right Honorable Sir John McNeil and his second Wife Elizabeth Willson. London: John Murray, 1910.
22. Geschichte der letzten russischen Gesandtschaft in Persien und ihrer Ermordung // Das Ausland. 1830. Okt. 14—25. №№ 287—298.
23. *Harden E. J.* Griboedov and the Willock Affairs // Slavic Review. 1971. Vol. 30. № 1.
24. *Harden E. J.* The murder of Griboedov. New materials // Birmingham Slavonic Monographs. 1979. № 6.
25. *Kelly L.* Diplomacy and Murder in Tehran: Alexander Griboedov and Imperial Russian's Mission to the Shah ofы Persia. London: Tauris Parke Paperbacks, 2006.
26. *Melville F.* Alexander Sergeevich Griboedov: Russian Imperial James Bond Malgré Lui: In Memory of the 225th Anniversary of his Birth // Russians in Iran: Diplomacy and Power in the Qajar Era and Beyond / ed. by R. Matthee, E. Andreeva. London, N. Y.: I. B. Tauris, 2018.
27. Narrative of the Proceedings of the Russian Mission from its Departure from Tabreez on 14-th Jummade (Dec. 20, 1828) until its Destruction on Wednesday the 6-th of Shabban (Feb. 11, 1829) // Blackwood's Edinburgh Magazine. Vol. 28. Sept.
28. Relation des événements, qui ont précédé et accompagner le massacre de la dernière ambassade russe en Perse // Nouvelles annales des voyages et des sciences géographiques. 1830. T. 48.